

МАРИЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

СОКРОВИЩЕ
ВЕЛИКИХ БОЛОТ

Мария Рождественская
Сокровище Великих Болот

«Автор»

2020

Рождественская М. А.

Сокровище Великих Болот / М. А. Рождественская — «Автор»,
2020

...Великое Болото. Овеянное легендами, населенное таинственными духами и опасными тварями, оно простирается от края до края, занимая, кажется, весь мир. Жители Предгорий шепотом рассказывают друг другу страшные сказки о болотных чудесах. Но для пятнадцатилетней Руфины, живущей вместе с братом и сестрой в деревушке Длинные Мхи, болото - родной дом и неиссякаемый источник жизненных благ. Однако хорошие годы сменились плохими: неурожаи ягод, пропадающие по ночам люди, пробуждение болотной лихорадки... Всё это вынуждает подростков искать причины происходящего. И только шаманы знают истоки всего, но разве их спросишь?

© Рождественская М. А., 2020

© Автор, 2020

Мария Рождественская

Сокровище Великих Болот

Над болотом плыл туман. Было тепло и тихо. Во влажном воздухе плотными слоями вился сладкий запах цветущих лилий. Аромат был настолько сильным, что его узоры, казалось, можно разглядеть в виде полупрозрачных лент.

Переплетаясь с ними, в болотном тумане раздавался звук флейты. Простенькая мелодия из повторов и переливов, монотонная и завораживающая... Впрочем, слушателей не было, если не считать различную живность, вроде лягух и пушистых сиреневых пауков, занятую своими насущными делами и нисколько не разбирающуюся в музыке.

Девушка, сидящая под низким развесистым деревом с длинными бородами мха на ветвях, вздохнула, отложила дудочку в сторону и принялась заплетать белые волосы в косу.

Тихая охота сегодня никак не клеилась. Гриббы убежали быстрее, чем она успевала до них добраться, вода после дождей поднялась и затопила многие удобные для сбора ягод места, а промокшая насквозь одежда вызывала зуд и желание оказаться где угодно, лишь бы в сухости.

Скромный заплечный мешок из промасленной ткани всё же прятал в себе тростниковый тусок с десятью горстями кислых красных ягод, пучок черных перьев с синим отливом и несколько причудливо изогнутых палок. Ягоды пойдут на отвар, а из остального можно будет сделать украшения на продажу для Большой ярмарки.

Наконец коса из четырех прядей и двух веревочек была заплетена. Девушка оглядела островок земли, на котором сидела, досадливо вздохнула и заставила себя встать на ноги. День клонился к вечеру, пора было возвращаться домой.

Иногда ей мечталось о том, чтобы просто идти и идти куда-нибудь, куда глаза глядят, не вспоминая о необходимости каждый закат встречать в одной и той же опостылевшей деревне. Сердце сладко ныло, увлекаемое желанием покинуть родные края. Однако обязанности и долг – не давали вздохнуть свободно.

Разноцветный ковер мха пружинил под ногами. Ямки следов тут же заполнялись водой. Мирт уже начал краснеть, и влажное тепло дня, словно одеяло, в котором проделаны дырки, потихоньку пронизывали струи холодящего воздуха из родниковых низин.

Дорога по болотам всегда опасна, и неважно, родился ты там или впервые их видишь. Бездонные ямы таятся в шаге от проторенных троп, маленькие синие змейки греются на камнях и убивают за один укус, блуждающие огоньки гипнотизируют и заводят далеко от обитаемых мест, к странным обитателям яви тумана. Всё это жутковато и неотвратимо давяще для чужаков... И всё это же знакомо, привычно и не вызывает особых чувств у жителей болотных деревень.

На тропе давно уже лежала густая тень, солнце скрылось за деревьями, хотя ещё и не село, заливая облака тускловатым оранжевым светом. Идти оставалось уже недалеко, скоро будет Старая гать, проложенная неизвестно кем из неизвестно где взятых длинных стволов деревьев, а там уже можно будет подниматься к воротам деревни на подвесные мостики. Дома строили на сваях, частью взятых как раз из гати. Когда-то давно она была куда шире, и говорят, по ней даже могла проехать телега с четырьмя козами в упряжке. С тех пор прошло уже много лет, телеги по болотам давно не ездили, и коз в них не запрягали, чему те были, несомненно, очень рады. Со свай, поручней и досок свисали бороны серого мха, любящего селиться на свободной древесине. Его ажурные плети были особенно густыми именно здесь, дав название деревне: Длинные мхи.

Перебежав тонкие, гнущиеся под ногами мостики над глубоким рвом с прозрачной коричневой водой, в котором плюхались пока безвредные мальки лягух, девушка поднырнула под

низко свисающие ветки кустов с длинными узкими листьями и удовлетворенно кивнула сама себе. Солнце село, оставив в небе пламенеющую полосу, а она добралась до деревни вовремя.

Около входов в хижины уже зажигали желтые фонарики на козьем жиру. Судя по вывешенной на просушку одежде у соседних домов, многие сборщики вернулись раньше, чем она. С окраины деревни слышались громкие голоса, гулко раздающиеся в вечернем воздухе. Девушка на ходу прислушалась, стремясь разобрать, о чем говорят. Выделялся басовитый незнакомый голос:

– Через круг будет Большая ярмарка! Слушайте, слушайте!

Ежегодно проходящая ярмарка проводилась в Сокорье, куда было быстрее всего идти через соседнее селение – Чистое. Все торговцы и менщики заранее и сообща устанавливали дату следующей сходки, но жизнь на болотах была так нетороплива и однообразна, что, несмотря на приметы, указывающие на приближение дня встречи, в основном все жители полагались на быстроногих гонцов, которые встречали караваны на перепутьях и затем оббегали деревни, чтобы сообщить о них.

– Ой, да как же так?! До него ж идти целых три дня. Как неожиданно опять...

Заслушавшись и задумавшись, девушка сделала слишком длинный шаг и поскользнулась на мокрых досках. Ей с трудом удалось удержаться на ногах, удачно вцепившись в перила мостков, но ноги отозвались тупой болью в натруженных за день мышцах.

– Щус за шиворот! – выругалась она. – Ломаные доски!

Новости про скорую ярмарку, как и скудная добыча, не радовали. До Сокорья ещё идти и идти, а времени на то, чтобы найти что-то подходящее на обмен становилось всё меньше. Круг – это всего-то десять дней, не успеешь оглянуться, как пролетит.

Жилище встретило её темнотой.

– Эй! – раздражение наполняло этот выкрик до краёв, – почему свет не зажжен?! Эй?

Из сгустившихся сумерек дома выплыло белое пятно, оказавшееся головой девчужки помладше в мешковатом темном платье. Насупившись, она наклонила голову и сказала:

– Ну, так жира же нет... Иф пошёл попросить у тетки Ришки.

– Да куда же он мог деться, если мы всего на прошлом круге выменяли столбик? Что вы тут без меня опять творите, Эй?

Девчужка наклонила голову ещё ниже и ничего не ответила. Старшая девушка с возмущенным вздохом человека, который не может, ну совсем не может понять, как можно творить такую глупость, шагнула в дом:

– Умираю, как хочу переодеться. Принеси сухое платье.

В темноте в ответ раздалось шуршание, шаги, звук ударяющейся друг о друга глиняной посуды, невнятное ворчание детским голосом, но в результате она всё же получила запрошенную одежду. Некоторое время царило молчание, но потом младшая сестра не выдержала:

– Нашла что-нибудь, Руфин, а?

– Немного, увы. Горсть ягод и кое-что на поделки Ифу. Кстати, ты ведь сегодня должна была плести сети? Тебе дали за это еды? Покормили?

– Да... да, ещё чуть-чуть осталось. – Шуршание в темноте возобновилось: – На.

Девочка впихнула лепешку в руку старшей.

– Сколько ты сплела? – жуя, задала вопрос Руфина. Эй задумалась, но потом просияла:

– Много! Больше трёх! Мне сказали, я хорошо плету. Потом Ифа научу, пусть он сети делает, а я буду плести накидки. И мы их будем менять на всякие полезные вещи. Да, Руфин?

Не успела та ответить сестре, дверной проем заслонила чья-то тень и веселый мальчишеский голос воскликнул:

– Эй, я принес огонь! О, Руф, привет, как улов сегодня?

– Иф, как тебе удалось у тетки жиру выпросить? – рассыпая искры от кресала по полу, спросила младшего брата Руфина. – Жир такой ценный, а вы его куда-то дели без меня. Куда,

кстати? – добавила она строгим тоном. Вспыхнувшее маленькое пламя заиграло искорками в её глазах – один был синий, а другой зеленый.

– Э, ну, я не... – замялся тот, но нашелся, на что перевести внимание сестры. – А она меня просто любит, вот и дала! Потому что я не-от-ра-зи-мый! – гордо, по слогам, выговорил Иф.

– Ох, и аукнется нам твоя неотразимость, братец. Вот вырастешь, а она захочет тебя на своей младшей дочке женить, и что ты будешь делать?

– Да не буду я на ней жениться! – взгляд ярко-синих глаз двенадцатилетнего мальчишки был полон незамутненного недоумения. – Она же дура губошлёпная!

– Иф, не ори, ещё услышат... И не даст тетка тебе больше жирку.

Занявшийся на фитиле огонёк был торжественно водружен в плошку с разбавленным смолами жиром. Теплые отсветы заплясали на склонившихся над ним лицах.

– Пойдем, надо зажечь лампу над входом. А то Щсус придет. Увидит, что у нас темно и полезет знакомиться... У него глаза красные, бородавки по всему телу и ноги-коряги!

– Ой, – воскликнула младшая, – ой, не надо, не надо, не рассказывай!

– Уууу... – дурачась, завыл Иф и кинулся щекотать сестричку. – Приду-приду, всех съем! Визг и возня наполнили маленькую комнату.

Руфина кинула на них взгляд, выходя наружу, и покачала головой.

От фитиля занялся золотой язычок пламени в охранной лампе под желтым стеклом в простой глиняной чаше. Один из ожерелья. Один из многих.

Она внимательно взгляделась в тени, в окружающие их дома, в мостки, в ветви со свисающим белёсым мхом. Сегодня, как и всегда, темнота безопасна.

Аромат лилий доносился в деревню, но не так явно, как в центре болот. Светлячки зелеными искорками плавали между редких деревьев. На востоке поднималась тяжелая туча, заслоняя ясное ночное небо, беззвучно полыхала розоватыми зарницами. Безветрие казалось уютным, но не долгим. Она знала, что к утру, скорее всего, поднимется ветер и пойдет дождь, если пропитанные водой грозные облака всё же докатятся до их мест.

– Руфин, а Руфин, – неожиданно её подергали за рукав, и она осознала, что детские возгласы за спиной уже довольно давно стихли. Обернувшись, она наткнулась на серьезный взгляд младшего брата. – Эй сказала, что ты набрала краснаягод. Дай их мне, Курочиха искала на отвар, её сын заболел. Я ей отнесу. Может, даст что-нибудь взамен.

– Если не даст, всё равно отдай.

Иф посмотрел на старшую сестру с сомнением:

– С такой добротой много не наживешь.

– Хорошо, тогда отдашь только половину, если что, хорошо? Понимаешь, даже если она пожадничает, и ты тоже пожадничает, а Тосик из-за этого не получит ягод – будет плохо. И потом тоже обязательно случится что-то плохое. Понимаешь? Например, что кто-то из вас заболеет, а я не смогу найти лекарство. Тогда придет человек, у которого оно есть, но не отдаст, если не заплатим. А нам нечем платить. И он уйдет. Ты представляешь, каково это будет?! Иф, я не шучу.

– Да, да, я понял. Попробую обменять, но если нет, то половину подарю просто так. – Мальчик успокаивающе погладил девушку по руке. – Не переживай!

– И не беги в темноте. Доски скользкие. Я сегодня ногу растянула...

– Хорошо, я понял, можешь не повторять.

Когда ягоды были ему вручены, они вновь вышли из дома, после чего мальчишка неторопливо и с достоинством удалился.

Его шаги некоторое время размеренно звучали, удаляясь, пока не перешли в дробный топоток вдалеке. Всё-таки побежал. Руфина в очередной раз покачала головой. Конечно, когда это он особо слушался. Она надеялась, что достаточно понятно объяснила, почему нужно

отдать ягоды. Впрочем, вера в доброе сердце её брата была сильнее её сомнений в его послушности.

Кинув последний взгляд на умиротворяющие горящие золотые огоньки над мостками, словно плывущие сквозь ночь, она вернулась в хижину. При всём том, что она была старше, нельзя было не признать, что у Ифа талант договариваться с людьми. Там, где сама Руфина начала бы ругаться, он брал обаянием и весельем, ухитряясь добиваться своего. Наверное, станет хорошим торговцем, когда вырастет. Доедет до самых Дальних Гор, посмотрит городок Семь-Камней-и-Три-Башни, найдет клад в заброшенных шахтах на западе и вернется домой с женой-красавицей. Или не вернется. Останется жить где-нибудь далеко-далеко... «А я так и буду играть на флейте среди болот. Круг за кругом, год за годом. А потом уйду в их центр и больше не вернусь», – подумала она. От печальных мыслей на глаза навернулись слезы. «Так дело не пойдет!» – девушка встряхнулась и вернулась в хижину. Надо было ещё сплести несколько ремешков, чтобы продать на будущей ярмарке. Если она, конечно, вообще туда пойдет.

Эй уже спала, свернувшись калачиком на постели.

Мокрая одежда с дневной вылазки медленно сохла. Наверное, завтра будет ещё влажной. Запасные штаны и рубашка в таком случае были не роскошью, а насущной необходимостью. К счастью, им многое осталось от родителей.

Скоро послышались торопливые шаги младшего брата.

– Я всё отдал, – его лицо было бледным и серьезным. – Ничего не спрашивал взамен. Тосик лежит в бреду, Курочиха так сказала, я в дом не заходил.

– Ну и правильно, – одобряюще кивнула Руфина, подняв голову от плетения ремня. – Пусть он поправится. Простыл, наверное. Кстати, не слышал, что там с ярмаркой – почему она так скоро?

– Гонец сказал, большой караван уже миновал Круглые топи. А ещё сказал, что в Чистом кто-то заболел болотной лихорадкой. Они вывесили полотнища на подходах. Больше он ничего не знает.

Повисло тяжелое молчание. Болотная лихорадка была редкой, но опасной. Ею заболевали те, кто оставался слишком долго один, вне дома, в глубине болот, или ночевал без охранного огня. Сперва такие люди чувствовали себя обессиленными, задыхались, не могли идти, падая без сил. У них синели губы и выступал холодный пот. Некоторое время спустя они приходили в себя, и, если не знать, что случилось, можно было принять их за здоровых. Но если после этого такого человека впускали в поселение, через день заболевали все, кто общался с ним. Однако боялись болотную лихорадку не из-за кратковременных приступов слабости. Самым страшным её последствием было то, что якобы выздоровевший человек через день внезапно падал с жаром, а к рассвету вставал с белыми глазами и зеленоватой кожей и уже не помнил никого и ничего. После этого он уходил в болота и больше его никогда не видели. Учитывая скорость распространения лихорадки – пропасть могло целое поселение.

Лекарства от этого недуга не было. Жители болот могли не пустить путешественника после захода солнца и продержат его в огороженной кольями сарайке за границей деревни до трех дней, чтобы обезопасить себя. Поэтому полотнища, вывешенные в Чистом, означали не только удлинившийся путь до ярмарки – придется обходить селение подальше. Они означали, что люди, скорее всего, больше не увидят своих родичей, живших там, а саму деревню придется проверять собравшимся с окрестных поселений мужчинам.

– Надеюсь, они успели не только вывесить предупреждение, – начала было Руфина, но осеклась и замолчала. Случай, чтобы большинство людей уцелело, успев заметить зараженных и вовремя уйти, был бы невероятным везением.

– Ладно, – наигранно бодро произнес Иф, – пора спать. Завтра мне ещё нужно вырезать украшения, чтобы ты смогла их продать на будущей ярмарке.

Утро раскинуло лучи сквозь жемчужную пелену дымки, поднимающейся от воды, обнимающей свай, стволы редких деревьев и дома. Леса поодаль было даже не видать. Каждая веточка, каждое забытое на досках пёрышко, волоски на стеблях травы, прозрачные нити паутинок – всё обзавелось переливающимися украшениями из мельчайших росинок, радужным покрывалом висящих на них.

Тишину начинали постепенно нарушать звуки пробуждающейся деревни: шаги, негромкие голоса, бряканье железа.

Пришла к порогу Руфинино дома тетка Курочиха с красными от недосыпа глазами. Молча поставила на доски плетеное из коры ведёрко с козьим молоком, дождалась, пока девушка перельет его в свою посуду, и так же молча удалилась, кивнув на прощание. Сестра с братом только удивленно переглянулись, провожая её взглядами. Они сидели на дощатом настиле перед домом, занимаясь поделками.

Изогнутая палка в руках Ифа уже избавилась от коры, приобрела блеск от шлифовки мелким песком и украсилась мелкими рунами. Черные перья с синим отливом поймали в свои объятия просмоленные нити сонного круга, сходящегося в середине на прозрачной бусине из какого-то неведомого детям камня.

Проснулась Эй, выползла из одеяла, протирая на ходу зеленые глазки, получила кусочек вчерашней лепешки, заплела косу и отправилась к Ревусу, мужу тетки Ришки, плести, как и накануне, сети для ловли светлячков. Приближалась пора, когда все жители деревни выйдут на улицу ночью, чтобы приманить живые сияющие огоньки и запереть их в сплетенные из тонких прутьев клетки.

Взглянув на матовый солнечный диск, почти оторвавшийся от лесных верхушек за деревней, Руфина сказала:

– Пойду на болото, пожалуй. Поищу чего-нибудь. Вчера видела вдаль траву с белыми метелками. Раз ночью не было дождя, значит, её не затопило. Соберу. Можно будет сплести коврик. Или сделать веник.

– Давай, – мельком глянул на нее Иф и вновь склонился к причудливо скрученной ветке, требующей полировки и обвязки нитями. – Не уходи далеко.

Болото дышало, как огромное спящее существо. Оно простиралось во все стороны – вглубь, вдаль, вширь и ввысь. В полуденной тиши казалось, что нигде ничего не происходит, всё замерло. Но в этой обманчивой неподвижности была скрыта непрерывная борьба за жизнь, молчаливая, беспощадная и страстная. Каждый миг внутри болота отмидали части трав и деревьев, захватывая друг у друга свет и тепло солнца. На поверхности топей караулили добычу топяки и змеи. Пауки, нанизав прозрачные нити своих сетей на самые привлекательные места над блеклыми цветами, выжидали под корягами. Росоловка блестела клейкими капельками по листьям. Тёплые туманы окутывали всё покрывалом, разноцветные мхи сплетались, образуя сложную многослойную подушку, словно из дома богача, что лежала, будто вышивка бисером и шелковыми нитями, пронизанная корнями растений и деревьев и пропитанная влагой. В некоторых местах она была совсем тонкой, скрывая под собой опасные водные провалы, подстерегающие неосторожного путника, в других толщина покрова была столь велика, что на ней можно было без страха строить дома. В холодной темной глубине коричневой воды лежали нетленными тела тех, кто пошел за дымяной, невзирая на все возможные приметы, убеждающие этого не делать. Немногочисленные болотные цветы раскрывали свои белые и пурпурные бутоны, источая разнообразные ароматы, сплетающиеся в узор во влажном воздухе.

Двулистка, осторожно высунув зеленоватые цветочки в виде маленьких корон из-за короткого пня, посылала медовый запах, чтобы привлечь пушистых голубых бабочек с серой каймой на крыльях. Этим же бабочкам с интересом выглядывала зеленая птичка, прыгающая

неподалёку на длинных ножках. За птичкой золотыми выпуклыми глазами неотрывно следила большая коричневая лягуха, размерами по колено взрослому человеку. К лягухе – неуклонно, медленно-медленно, чтобы не вызвать беспокойства, – подползал топляк, приоткрыв зубастую пасть. На приличном расстоянии от полянки с двулисткой, в воздухе нерешительно колыхался рой жгучих болотных огоньков, выбирающий, нацелившись ему на лягуху или всё же на топляка. Справа от него, спрятавшись под кочкой, намазанный отбивающей запахом грязью и воткнувшийся в прическу веточки пахучего кустарника, готовился накинуть негорючую сеть на рой огоньков охотник из племени угухов, которые так старательно сторонились людей, что их существование считалось вымыслом. Хрупкое равновесие многоступенчатой засады готово было вот-вот нарушиться...

А где-то далеко-далеко в стороне от молчаливого ожидания охотников и добычи, не ведая о нём, по безопасной найденной тропинке через болото двигалась человеческая фигурка.

Лучи солнца пригревали сильнее и сильнее, жарили белую макушку идущей по болотной тропе девушки и широкие листья стрелоцвета. Эти листья, блестящие и горячие, отражали радужные блики через призму тумана; идти было утомительно, влажный воздух облеплял тело, мешая вздохнуть, казалось, ещё немного и в нос хлынет вода, настолько сильно испарения окутывали всё кругом. Сонная тяжесть давила на плечи, заставляя идти всё медленнее, уговаривая не делать следующий шаг, остановиться, улечься на мягкий мох, свернувшись в ласковой нагретой солнцем воде, расслабиться, не думать о заботах, уснуть и спать, пока сладкий сон не станет бесконечным, пока не останется ничего, кроме тумана и сна... И сон станет туманом, свиваясь в круги над болотами...

Даже лягухи не пели, затихли, замерли в теплой воде, разморённые растекающейся пластами ленью.

Давящую тишь разбивало лишь чавканье мха под ногами бредущей по колено в воде Руфины. Веки её отяжелели и глаза закрывались, каждый новый шаг давался с трудом. Верная дудочка всё реже хлопала по бедру. Она висела на поясе в чехле из пропитанной неизвестным составом кожи, которая оставалась мягкой и не пропускала воду. Её вручил отец, когда Руфине исполнилось восемь, как Эй сейчас. За прошедшие годы она научилась играть на ней сама. Может быть, он добыл подарок дочери в Предгорьях, у самых настоящих горцев?.. Она уже не знала этого, воспоминания растворялись, мысли казались скользкими, как мыльный корень.

Флейта молча просилась в руки, напоминая о себе с холодящей твердостью. Проведя по глазам рукой и поколебавшись, девушка достала её из чехла. Тёмное дерево жирно блестело, так и тянуло его погладить, приласкать, словно что-то живое.

Простая мелодия прогнала сонливость, развеяла жаркую марь, плеснула во все стороны бодрящей волной. Нечто в глубине, заманивающее сном, недовольно отпрянуло, втянуло невидимые щупальца, нырнуло ещё глубже, чуя вызов от деревянной флейты. Оно было сильно, но звуки резали, как клинок, и в умелых руках, пожалуй, сумели бы вовсе развеять древнюю сущность, укрывающуюся внизу.

Руфина шагала, играя. Дышать стало легко, спать больше не хотелось. Хотелось лететь, разбрызгивая воду, смеяться и петь. Вдруг вспомнились все рассказы о таких вот сонных местах, где пропадали люди, любящие ходить по болотам в одиночку. Истории о них передавали те, кто находил спящих. Их уже почти невозможно было разбудить.

Раньше эти места были безопасными, она не очень далеко ушла от обжитого деревенского круга, поэтому произошедшее было странным и очень тревожным. Чуть не пропасть в полудне пути от дома!

Она всё шла и шла, боясь прекратить игру на флейте. Наконец, отойдя довольно от страшного места, прервалась на миг, прислушалась, прикрыла глаза, пытаясь почувствовать раскинувшуюся вокруг бескрайнюю пропитанную влагой моховую поверхность. Ей всегда казалось,

будто в такие моменты она смотрит в темноту, а над головой разгорается всё сильнее и сильнее лампа, и круг света бежит, бежит волной, смывая тени... и вот уже огонь сияет не в лампе, а в её голове, и ничто из того, что захлестнуло светом, не может спрятаться.

Волна разбегалась.

На границе воображаемого круга приоткрыли сонные золотые глаза пять больших лягух, на полдень кислым мазнула по языку куртинка краснаягод, что-то темное и холодное закопалось вглубь далеко слева и позади, теплым ответил весь переплетённый мох под ступнями, словно круги по воде разбежались.

Миг прошел, волна растаяла – под веками полыхнуло – пришлось открыть глаза. У нее почти никогда не получалось сосредотачиваться надолго, но с каждым разом это становилось делать чуточку легче, а круг света был как будто бы чуточку шире.

Можно было выдохнуть и идти собирать увиденные ягоды – опасность миновала.

Возвращалась девушка второпях. Увлечшись добычей краснаягод, она замешкалась по дороге. Как можно было забыть, что именно сегодня ночью Праздник ловли светлячков!

Усталость после целого дня на болотах давала о себе знать, оседая влажной тяжестью на плечах, но сознание упрямо гнало тело назад, в деревню. Вчерашний день казался бесконечно далеким, воспоминания о том, что Эй уже неделю помогает плести сети для ловли, размывались в перламутровой дали. А ведь дядя Ревус окликнул её сам, когда она уже пересекала мостик через ров с водой:

– Не забудь, Руфина, сегодня вечером, по всем приметам начнется добрый лёт светляков! Прибегай домой пораньше!

– Да, дядя, конечно! Я помню...

«Конечно, ты помнишь! – ворчала себе под нос Руфина, чуть не бегом шлепая по сочащемуся влагой мху, – Конечно, ты успеешь... Если шею себе не свернешь...»

К счастью, солнце ещё не село за дальние деревья, когда она пересекла границу деревни. Поприветствовав старенького сторожа, который дежурил нынче у мостиков, она поспешила к своей хижине.

– Руфина, ну, где ты ходишь?! – притворно сурово накинулась на нее с порога тетя Ришка, которая зашла, чтобы помочь Эй донести сетки и сачки. – Праздник вот-вот начнется! Я понимаю, конечно, он каждый год начинается внезапно, как будто за болотами полмира вспыхнуло, но это не повод для тебя каждый же год опаздывать, словно ты не помнишь совсем ничего!

У тети Ришки властный характер, пронзительный голос и черные прямые волосы, такие густые, что когда она их обрезала пару лет назад, чтобы сплести общинные обереги в свой черёд, и завязала в пучок на макушке, они так и торчали вверх, как задорный маленький фонтан. Она умудрялась говорить и суетиться так много, что одна занимала пространства больше, чем пять более молчаливых человек. Руфина знала, что Эй побаивается ту за громогласность.

Ее дочери подражали матери во всём; особенно же хорошо им удавалось создавать шум, гам и бурную деятельность на почти пустом месте. С другой стороны, не было ничего лучше, если их силы всё-таки удавалось направить в полезное русло – например, заставить стирать бельё или, как сейчас, плести сети. Сетей было навязано огромное множество. Их раздали всем жителям деревни, особенно тем, кто был стар или чьи сети истлели с прошлого года, а новых сделать времени не было.

Поблескивая синими глазами, тетя Ришка продолжала наполнять собою их маленький домик, умудряясь одновременно заплетать косу Эй, добиваться от Ифа, чтобы он отвлекся от вырезания по очередной коряге и переоделся, и отчитывать только что вбежавшую Руфину за опоздание.

Жители деревни постепенно собирались на помосте в центре круга, образованного домами. Солнечный диск канул за край земли, синие тени взялись за руки и начали водить хоровод, а люди рассаживались на циновки, держа поблизости сети и клеточки для будущей

добычи, и погружались в неспешную беседу. Дети с визгом носились где-то поодаль по мосткам, лоя сачками друг друга, мужчины степенно возжигали благовония в черных чашах из дымного стекла, женщины вполголоса шушукались, обсуждая погоду, предстоящую ярмарку и много ли нынче будет светлячков.

Небо совсем потемнело.

Площадь тускло освещали желтые фонарики у порогов и в руках ловцов, тоненькими иголочками лучей прокалывающие темноту. Народ притих, дети уже набегались, взрослые наговорились, смех и возгласы слышались всё реже.

Вдруг во внезапно наступившей тишине раздался общий восхищенный вздох: повсюду, насколько хватало взгляда, точками, брызгами, гирляндами – загорались желто-зеленые и оранжево-золотые огоньки. Они перемещались, смешивались потоками цветов, взмывали ввысь лентами и опускались на землю покрывалом. Светлячки проснулись! Они танцевали во тьме танец любви, рисуя узоры светом своих тел.

Бесчисленные маленькие искорки сияли, тихо шелестя прозрачными крылышками.

Жители деревни распахивали припасенные мисочки со сладким нектаром и пахучими цветками семилетника, которыми питались светлячки, чтобы те подлетали к ним на запах. Там их ждали мягкие сеточки, тонкие сачки и клеточки с едой и мелкими-мелкими дырочками для воздуха, исключаяющие возможность побега.

Светлячки охотно ловились руками, стаканчиками, сачками и тряпочками, садились на плечи и на стены домов, вились над головой и кружили друг с другом. Дети поменьше с восторженным визгом гонялись за живыми огоньками по мосткам, окружающим площадь. Дети постарше важно помогали родителям в важном деле поимки сияющих насекомых. Они все вместе растягивали и расправляли большую мелкочаеистую сеть и поднимали её вверх на шестах. Когда в её полукруглые бока надувались ветерком, и в их объятия влетало большое облако светлячков, полотно аккуратно тянули вниз, заворачивая края так, чтобы попавшиеся пленники не выскользнули все наружу. Светящийся шар оставляли висеть на палочках основы, которые не давали светлячкам повредить крылья и пушистые брюшки, а тем временем ловцы доставали новую сеть.

Путь насекомых изо дня в год пролегал именно над их деревней, и вылет длился всего одну ночь. Пойманные светлячки не унывали и продолжали жить в лампах и сетках, освещая жилища и улицы, главное было их вовремя кормить, а улетевшие выводили новое потомство, откладывая яйца на листья лилий, и угасая, умирали в течение нескольких дней после вылета.

Жители деревни получали доход, обменивая свою добычу на ближайших ярмарках, и свет, разгоняющий тени по ночам.

Этот свет рассеивал страх, отпугивая болотников, не слишком дружелюбных к людям; ночь вылета светлячков была ночью свободных путешествий, когда можно было без опаски идти куда угодно, не опасаясь ни мороков, ни лихорадки, ни духов.

Праздник длился до утра, все продолжали ловлю, пели, смеялись и танцевали.

Руфина кружилась с сетями, взмахами рук сгоняя в них сияющие искорки. Её светлые волосы взлетали в такт движениям, озаренные свечением уже пойманных насекомых, и вся она казалась ликующим вихрем. Младшие брат и сестра такими же белоголовыми цветками мелькали то тут, то там. Остальные деревенские были черноволосыми и смуглыми, их фигуры терялись в темноте, но на лицах то и дело вспыхивали улыбки, словно лунные серпики в высокой траве.

Наконец первые лучи солнца выбелили небо, выбившись из-за края земли, и долгая ночь Праздника ловли закончилась.

В противоположность всем другим дням с рассветом в деревне наступила тишина. Светлячки были упрятаны в темные сарайчики, чтобы их не поглотила полуденная жарой, которая придет, когда все будут спать.

Руфина, Иф и Эй лежали в своей хижине на полу, вытянув гудящие ноги. Сил шевелиться ни у кого не было, горло немного саднило от песен и криков, а в глазах до сих пор мелькали улетающие в небо зеленые и желтые огоньки. Глаза понемногу закрывались, дремота сладкой пеленой окутывала головы. Последней мыслью девушки перед тем, как окунуться в сон, было: «Выходить, чтобы попасть на ярмарку, нужно через три дня... Потому что идти нужно в Соколье, обходя Чистое... Эх, Чистое...». Сердце потянуло тоскливо: Чистое опустело... Но сон уже сморил её.

Тем же утром в объятую сном деревню пришли козы. Осиротело мекая, они брели, ища людей. Их хозяева куда-то подевались, не подоили, не дали сладкой водицы. Умные животные помыкались-помыкались в их поисках, да и потянулись прочь от опустевших домов Чистого...

Следующие дни прошли для Руфины в водовороте сборов и приготовлений, она кружилась, словно игрушка на деревянной палочке, которую трясёт малыш – быстро, быстро, быстрее, ещё быстрее! Щелкай, игрушка, весели, крутись!

Большие торжища были нечастым событием, место их проведения обговаривалось заранее. В этот раз неожиданная вспышка лихорадки нарушила устоявшийся путь для жителей Длинных мхов; на Ярмарку приходили раз в год со всего Болота, даже откуда-то с гор являлись торговцы со своими необычайными товарами из металла, дерева и меха; для местных же жителей это была единственная возможность получить жизненно-важные вещи, подобные лампам на козьем жиру или посуде из глины. Денег на таких торговых сборищах было немного, в основном велся обмен всего на всё. Еда, посуда, одежда и игрушки – каждый хотел принести что-то своё и унести с собой нечто иное.

У маленького семейства Руфины были приготовлены на обмен три небольших горшка краснойгоды, собранной ею самой, светлячки в сеточках, сплетенных Эй, и резные украшения, сделанные Ифом из веток и коряг: они пользовались большим успехом, будучи изготовленными изящно и выглядевшими похоже на неведомых птиц, застывших на взлете.

Мелкие меновые базарчики процветали в разных частях болот; достаточно было мастеру из какой-нибудь деревни наделать достаточно корзин или выделать несколько козьих шкур, как он мог отправиться в путь, чтобы поменять их в соседнем селении на мясо соленых грибов или муку из тук-тука.

В этом году Иф впервые отправлялся вместе со старшей сестрой на торги, а Эй оставалась у тети Ришки. Их дядя, Ревус, шел во главе маленького каравана, выступающего в полумгле раннего утра, дождавшись лишь, чтобы солнце брызнуло первым лучом сквозь тонкие ветки деревьев.

Эй стояла у мостика в деревню и, изо всех сил сдерживая слёзы, махала рукой вслед уходящим. Ей тоже очень-очень хотелось попасть на ярмарку, но маленьких детей, особенно носящих замену для имени «Эй», туда не брали. В прошлый раз, когда Иф оставался с ней, ей было не так грустно и почти совсем не обидно, да и Руфина уходила не так надолго. А теперь ей чуть ли не круг придется жить с дочками тетки Ришки, которую она побаивалась, доить козу и вообще... спать в их собственном домике её никто одну не отпустит.

Теплые руки тети обняли девочку за плечи, ласково потрепали по голове.

– Ну-ну, не плачь, деточка, – раздался её сочувствующий голос, от которого солёные капли так и хлынули по щекам, невзирая на все усилия. Эй резко отвернулась от уходящего вдаль небольшого каравана, хотя путешественники уже не могли её увидеть, потому что перестали махать остающимся и сосредоточились на том, чтобы аккуратно ставить ноги, и, уткнувшись в теткин подол, разрыдалась.

– Вот увидишь, они скоро-скоро вернуться и привезут тебе замечательные подарки! – продолжала увещевать её Ришка. – А пока пойдем-ка, почешем шерсть козам...

Путь в Сокорье был отмечен давно поставленными вешками – нечасто встречающимися столбиками из глубинной глины, которые обожгли и украсили охранными узорами и наделили грозными лицами. Иной раз проходящие мимо путники вешали на них нитку бус из сушеных ягод или ленту, а то и обычную веревочку из коры, так, что за все годы своей верной службы людям столбики обзавелись не только многочисленными украшениями, но даже иногда шляпами и именами.

Самый первый к деревне Руфины столб носил название «Косач» и имел хитрые раскосые глаза и множество коричневых кожаных шнурков, а также с десяток синих бусин, нанизанных на тонкие косицы из черных волос. Богатое украшение, так и манящее прохожих, но никому и в голову не пришло бы снять стеклянные бусины, принесенные в дар духу, что охранял дорогу. Глупцов, желающих навечно остаться блуждать по болотам, не было.

Идти предстояло четыре дня, под палящим солнцем, неся на спине корзины со скарбом на продажу и с едой и одеялом для себя. Самыми легкими из поклажи были плетеные клеточки для светляков да пыльцой на их прокорм.

Шли ровной цепочкой, один за другим, след в след. Под ногами глубоко проминался зеленовато-рыжий мох. Словно роскошная шкура неведомого зверя, он раскинулся кругом, насколько хватало глаз. Ступни тонули в нем, как в пуховых подушках, невероятно затрудняя шаг. Уже к полудню ноги у Ифа болели в коленях так, словно башмаки были каменными. Привычная к длительным переходам старшая сестра то и дело внимательно поглядывала на него. То ли проверяя, как он переносит поход, то ли боясь неожиданных выходов. И впрямь, когда их маленький караван только вышел из деревни, Ифу хотелось скакать от восторга, бегать вокруг идущих по тропе людей и подкидывать вверх клочки мха, выдранного из шкуры болота. Но он удерживал себя, медленно и солидно передвигаясь с той же скоростью, что и весь караван. Он гордо помахал оставшейся на деревянных подмостках Эй, вспомнив, что пообещал ей вчера принести какие-нибудь бусы. Конечно, что ещё можно дарить девчонкам! Только бусы, да подлинней. Правда, он сомневался, что вырученных товаров хватит на особо яркие бусины из стекла, скорее, придется найти что-то попроще. Но он обязательно сдержит слово.

Во главе процессии шел дядька Ревус, и его затейливо заплетенная в четыре пряди коса свисала сбоку от большого короба. Спереди у него висел ещё один, поменьше. Остальные десять человек старались ступать ровно за ним по тропе. Четыре женщины, включая Руфину, и пятеро мужчин среднего возраста, добытчиков и охотников, да Иф, для которого этот поход знаменовал почти что признание его взрослым. Замыкал процессию молчаливый Занур, бритый налысо здоровяк с татуировками на щеках и предплечьях. Он топал по раскисшей под ногами впереди идущих тропе легко, словно скользил по поверхности мха, несмотря на то, что нес за плечами, пожалуй, самую тяжелую ношу. Ревус крепко доверял ему, поручив идти последним, хотя тот появился в их деревне из дальних неизвестных мест всего несколько лет назад. Отсидев в охранном сарайчике, как одинокий путник, положенное время, он тогда пошел к старейшинам и долго беседовал с ними о чём-то. После женщины шутили, что тогда-то он и израсходовал весь свой запас слов. Деревенские не дождались от него никаких рассказов, ничего, кроме имени. Старики, стоявшие во главе, тоже молчали, как замшелые камни, хотя обычно то, что знал один, через некоторое время знала вся округа. Занур быстро стал одним из лучших охотников. Возле его дома всегда сушились шкуры лягух, растянутые на палках. А попробуй-ка, убей такую здоровущую тварь, плюющуюся ядовитой слюной! Он не скупился отдавать общинную десятину (а иной раз и больше), если видел нуждающихся. Двигался он с обманчивой плавностью и неторопливостью, имел плотное телосложение кулачного борца и прекрасно метал ножи, коих у него было не менее двух десятков разного вида. Оттого, что его личность была окутана таинственностью, она обладала непреодолимой притягательностью в глазах немногочисленных местных мальчишек. Каждый хотел бы подержать его ножи и узнать, откуда тот пришел. Внимательно к нему приглядывались и матери подрастающих дочерей,

размышляя, не получится ли через пару-тройку лет выдать какую-нибудь из них за Занура-молчуна замуж. Справных женихов в селении было не так уж много, а он не был ещё стар и всегда приходил домой с добычей. С таким мужчиной жена не останется голодной и раздетой. Всегда в досталь будет у неё и лягухиного мяса и ценных шкур, которые шли на изготовление одежды, обуви и прочных, не пропускающих воду бурдюков.

Сошелся неизвестно каким чудом с ним один только Ревус, да и то, наверное, из-за того, что оба были охотниками и как-то пересекались на болотах. А может, и побывали вместе в какой-то серьезной передрыге, как подозревала жена Ревуса.

Вот и сейчас один вел всех вперед, а другой приглядывал, чтобы никто не отстал, и никакая тварь не напала на идущих со стороны. Хотя дорога была торная и не по диким местам, а между деревнями, мало ли что.

Путь удлинился потому, что теперь пришлось далеко огибать Чистое. Зеленые полотнища на столбе, охраняющем развилку, были повешены так, чтобы каждый мог заметить их издали и с любой стороны, загодя обходя опасное место. Этот отворот тропы миновали ближе к вечеру в молчании. На душе неизвестно откуда всплыла тоскливая пустота, исходящая от обезлюдевшей деревни, хотя её и не было видно. Болото получило свою добычу, и любой понимал, что, несмотря на все предосторожности, на месте жертв болезни мог быть кто угодно. Всё предусмотреть невозможно. Кто знает, каким образом сейчас первый заразившийся лихорадкой прошел в селение... Обычно оставляли в охранном доме лишь тех, кто приходил в одиночку, потому что некому было поручиться, что они точно провели ночь под защитой света своей лампы. Приходящих группами больше трех человек не задерживали, предпочитая верить на слово, так как обычно это были торговцы или добытчики, которые несли с собой что-нибудь полезное, что всем хотелось увидеть побыстрее. Считалось, что одинокий охотник ещё мог заплутать, потерять огонь, уснуть и, не заметив, как заболел, вернуться в деревню. Однако несколько человек должны были приглядывать друг за другом, да и лампа что на одного, что на всех светила одинаково, а запас жира каждый носил с собой обязательно.

Небо уже наливалось темной синевою, с алой лентой по кромке, когда достигли места ночевки. Стремясь не остаться поблизости от Чистого, которое теперь следовало переименовать в Пустое, шли дольше и быстрее, преодолевая усталость. Над головой путников вились мошки, отпугиваемые пахучим настоем трав лишь отчасти. Поднимался туман, пропотевшая одежда липла к телу, а проголодавшиеся светляки тихо гудели в коробах. Впрочем, есть хотелось всем.

Рядом с тропой было удобное место, между сразу двух охранных столбов – Толстяка и Родителя.

Толстяк поражал своими размерами, один человек едва мог обхватить его, доставая одной рукой до другой лишь кончиками пальцев. Родитель же стоял во мху наискось, склонившись к западу с озабоченным выражением глиняного лица, так и чудилось, что он вот-вот начнет отчитывать непослушных чад, вечно опаздывающих домой.

По кругу стоянки повесили сразу несколько сияющих теплой позолотой ламп – всё же одиннадцать человек не три, нужно, чтобы никто не остался в ночной тени.

Иф повалился на мох там же, где стоял, когда старшие скомандовали привал. День казался ему бесконечным, полным солнца и зеленого мха, и вместе с тем промелькнувшим так быстро, как мелькает хвост желтой ящерицы, что греется на старых досках: её невозможно разглядеть целиком – только шевельнешься, а уже только хвост и взблестнул бронзовой полосочкой в щели. Раньше его никогда не отпускали из деревни. Он выходил несколько раз с отцом и то недалеко. А с тех пор, как пропали их родители, он больше не покидал деревню. Разумеется, удерживать детей от столь рискованно-соблазнительных вылазок в окрестности родного поселения было нелегко, но грозящее суровое наказание и почти полное отсутствие друзей для Ифа

сделали свое дело. Из сверстников у него был только Тосик, сын Курочихи, но из-за болезненности и слабости тот всегда был полусонным и медленным, и с ним совсем не хотелось играть.

Люди вокруг него неспешно готовились к ночлегу, раскидывая спальные места, вынимали еду, кормили светлячков, разгоравшихся от полученной пищи желтым и зеленым сиянием, усиливающим свет в кругу стоянки. Внезапно до слуха Ифа донесся разговор Ревуса и его сестры. Он наострил ушки. Будучи хорошим охотником, Ревус часто рассказывал интересные истории про свои походы. Сейчас же он размахивал руками и притворно горячился:

– Да, истинную правду говорю: в тот раз, когда я ходил один на Дальние кочки, я огромную змею видел! Никому ещё такая не попадалась! Рыжая, что палёный солнцем мох, по спине черные точки, а уж толстая – два шага в ширину! А как шипела!

Руфина, вежливо оторвавшись от переключивания вещей в сумке при разговоре со старшим, недоверчиво улыбалась в ответ:

– Рыжая? Два шага в толщину? Ты меня разыгрываешь, дядя!

– Не веришь?

– Н-н-уу... не очень.

– Как можно ставить под сомнение слова родного дяди?! Ладно, пожалуй, два моих шага – это я действительно лишку хватил, но один – точно! И зубищи из пасти так и торчат, так и торчат!

– Но, дядь, и один шаг много, это ж какая толщина! – возразила Руфина.

– Если уж не один, то хоть полшага – наверняка! А еще у неё был гребень, острый, как мой нож!

– Ой, полшага – это с мой локоть. Не бывает таких змей. Да и что она могла есть, чтобы стать такой упитанной? И борозду после себя оставляла бы, словно топляк. Я вот сколько хожу, ни разу ничего подобного не видела.

– Лягух небось она ловила. Это редкая змея. Может, вообще такая единственная на всё болото осталась. Хотя, возможно, она была толщиной всего лишь в пол-локтя. Но точно рыжая, – пошел на попятную дядя.

– Нет, – покачала головой Руфина, думая, что сейчас Ревус очень похож на своего брата – вылитый её отец, – такого не может быть.

– Ах, какая ты недоверчивая! Ну, четверть локтя, теперь веришь?

– Прости, дядя... – с огорченным видом она развела руками.

– Четверть четвертинки! С черными крапинками и ободком вокруг глаз.

– Про глаза – верю, про толщину – нет!

К разговору уже прислушивались, тихонько посмеиваясь, все окружающие. Лишь Занур с непроницаемым выражением лица вглядывался куда-то в темноту.

Ревус в запале подергал себя за толстую косу:

– Ладно, скажу тебе правду, раз ничегошеньки от тебя не скрыть. Змея была с мою руку туловищем. А по бокам – с четырьмя лапами! И на каждом пальце – вот-такенный коготь!

Иф, во все глаза глядевший на него, забыв обо всем на свете, не удержался и приснул от смеха:

– Выходит, змея была ящерицей, дядь! С гребнем и лапами, да еще рыжая! – и тут же, спохватившись, зажал себе рот ладонью: вмешиваться в разговоры взрослых, да тем более спорить с родным дядей мальчишкам воспрещалось.

Ревус резко развернулся в сторону крикуна, якобы, чтобы отругать, но Иф увидел на его лице лукавую улыбку, спрятанную за нарочитой серьезностью тона:

– Это она просто отрастила лапы от страха, меня увидев!

После этого заявления хохотал весь их маленький лагерь. Руфина, поддержавшая дядин розыгрыш, смеялась, сверкая белыми зубами, болтал ногами в восторге Иф, от избытка чувств свалившийся на спину, даже, кажется, по губам Занура скользнула мимолетная тень усмешки.

– Ящеричная змея! Ох, дядь! Вот здорово! Как большая лампа, раз рыжая, да?
Не успел Ревус ему ответить, как вдруг отрывисто прозвучал низкий голос:

– Тихо всем!

Все разом замерли, повернувшись к говорившему. К всеобщему удивлению это сказал Занур. Ко всему прочему, это были едва ли не первые слова, которые от него слышали Иф с Руфиной.

Ревус тотчас посерьезнев, махнул рукой стоявшим на поляне:

– Быстро в круг! – и, обернувшись к здоровяку, спросил: – Что там?

Тот, убедившись, что успешно привлек внимание, безмолвно кивнул куда-то в темноту.

Уже совсем смерклось, и за границей света ламп очертания окружающего простора терялись. Легкий туман свивался плетями, полз по земле. Внезапно из него выделилась, словно сырой воздух стал черной глиной, высокая темная фигура, похожая на человеческую, но с белым овалом вместо лица и развесистыми то ли ветками, то ли рогами на голове. Странной ищущей волей повеяло от нее, холодком по ребрам потянуло.

Люди испуганно замерли. Охотники стиснули в руках ножи. Женщины обняли теплые бока светильников, словно стараясь оградить – огонь или себя... На долгий миг фигура задержалась на грани света, словно колебалась, выходить или нет. Где-то далеко, в глуби болот протяжно закричала птица, налетевший порыв ветра шевельнул навешенные на охранные столбы железные и стеклянные бусины, и под их тихий звон неведомый пришелец качнулся назад, отступая во тьму, где пропал так же беззвучно, как и появился.

Цепкий страх не так быстро разжал свои когти. Некоторое время после исчезновения ночной фигуры люди стояли молча, напряженно всматриваясь во мрак в той стороне, где та растаяла.

Иф заметил, что лишь Занур и Ревус оглядывали весь круг, опасаясь подвоха.

Общий вопрос, заданный сразу несколькими голосами, прозвучал, как вздох:

– Что это было?

Сбросившие оцепенение люди встряхнулись, загомонили, стремясь суетой обмануть себя. Мол, ничего особенного не произошло.

Ревус молча глянул на своего друга. Тот скривился, пожал плечами. Неопределенно махнул рукой, убирая нож за пояс. Глава каравана согласно кивнул головой, то ли ему, то ли своим мыслям.

– Это был Дух болот, – объявил он после этого безмолвного обмена мнениями. – У нас нет того, что ему нужно, иначе бы он не ушёл. Можно спать спокойно. Но надо выставить сторожей на всякий случай. Я буду первым.

Ночь прошла спокойно. С первыми лучами солнца лагерь был свёрнут. Уже перед выходом на тропу Иф решился тихонько высказать сестре мучавшую его всё это время мысль:

– Руфин, а как ты думаешь, что Дух искал?.. – Слова застыли у него на губах под строгим взглядом сине-зеленых глаз. Внезапно она отвела взгляд и о чём-то глубоко задумалась.

– Знаешь, говорят, что Духи никогда не выходят к людям просто так. Только когда им что-то нужно... Кровь или вещь, – тряхнув светлыми волосами, торопливо проговорила девушка. – Если у них забрали нечто важное... Например. А поскольку показываться они могут лишь с наступлением ночи, нужно подумать, почему он подошёл.

Синие глаза Ифа стали круглыми как плоски. Глянув на него, сестра спохватилась и наставительно закончила:

– Вот почему мы всегда должны ночевать в деревне, под защитой оберегов и домашних огней. Понял?

Младший брат, находясь под впечатлением от новых знаний, смог лишь кивнуть молча. Раньше ему приходилось слышать сказки о том, что духи болота воруют непослушных детей.

И вдруг они обернулись явью, а дядя Ревус и Руфина, не говоря уж о всегда внимательном Зануре, ведут себя так, словно они давно об этом знали, да ещё и как бы не в первый раз столкнулись с явлением потусторонних гостей. Его старшая сестра всегда возвращалась с закатом в родной дом, а вот мужчины-охотники часто задерживались в долгих отлучках где-то на зыбкой границе между сном и явью в непредставимой дали бескрайних топей. Стоило человеку переступить порог, перейти узкий мостик, ведущий из деревенских владений, он словно растворялся в нигде. Пока не вернется, неизвестно, жив он или нет. Обычно дети не задумываются о таких вещах, как жизнь и смерть. Вернее, воспринимают их с беспощадным равнодушием, как часть круговорота вещей в природе.

Так было и с Ифом. Лишь после того, как их родители пропали, он стал бояться, что однажды так же не вернется и старшая сестра, и тогда на месте полузажившей раны от тоски по матери с отцом поселится ещё большая пустота.

После появления ночного гостя ему было о чём поразмыслить.

На полуденном привале, когда все дремали после еды – идти в такое пекло было бы сущей глупостью, он продолжил прерванный разговор, присоседившись к сестре:

– Слушай, это ведь не мог быть переодетый человек, правда?

Руфина лениво посмотрела на серебристую макушку брата:

– Конечно, нет. Не бывает таких дураков. Это ж надо придумать: шутить с духами болота. Тут же в трясине окажешься! Даже если её там отродясь не было...

Легкая накидка, растянутая на тонких полых палках от камыша, защищала их от горячих лучей. Мох нагрелся. Лягухи сидели в отдалении от тропы, разморившись от солнца, и даже не квакали.

Спали все, кроме вечно настороженного Занура, бдящего среди влажной жаркой тишины, наполненной пьянящим запахом белых цветов. Вытатуированные круги на его щеках казались ярко нарисованными соком синевики. Бритую голову прикрывала шапка из козьей шкуры, поблескивающая бурой шерстью. Он погладил висящий на шее амулет из небесного железа, что охлаждал грудь в вырезе распахнутой рубашки. Бугорки и завитушки на маленьком слитке металла не были созданы человеком. Мастер, изготовивший оберег, лишь приделал ушко для веревочки, чтобы можно было носить его не в кармане сумки, а подвесить.

«Капля неба» – так называли подобные вещи жители тех мест, откуда Занур был родом. Появление Духа прошлой ночью не напугало его и не озадачило. Что-то было давно уже не так на болотах. Вспышка лихорадки... Отсутствие привычной дичи в прежнем изобилии... Он не знал, что именно случилось, но не мучился размышлениями. Отряд спал, а он продолжал спокойно нести стражу, ощущая, как под пальцами всё сильнее холодеет металл в разгар жаркого дня.

Никаких других происшествий по дороге не было, и маленький караван дошагал до окрестностей Сокорья к исходу четвертого дня. Уже с полудня им начали встречаться другие путники, следующие теми же тропами. Они кивали и улыбались из-под козьих и камышовых шляп, шурили глаза. Обменивались степенными приветствиями, подходя ближе. Новости на ходу не обсуждали – несолидно. Народ стекался на ярмарку со всех Болот – из близких и далеких краёв.

Вокруг поселения раскинулся целый палаточный лагерь. Иф никогда не видел такого количества людей в одном месте. К его сожалению, когда они дошли, уже стемнело, и толком было ничего не видно, хотя вокруг расцветали многочисленные огни – в жаровнях на длинных ножках, желтых стеклянных лампах и рыжих с красными узорами фонарях из выделанной до прозрачности козьей кожи. Эти островки света сливались, перекрещивались лучами, рассыпая дробные дрожащие тени, и вроде бы освещали тряпичный лабиринт, но при этом удивительным образом разграничивали своих владельцев, создавая маленькие отдельные уютные

закутки, обогревая сидящих рядом с ними людей, заключая их в отдельные укромные объятия их личного ручного сияния.

Обойдя вслед за Ревусом лагерь по краю, деревенские достигли подходящего, по его мнению, места, чтобы встать на ночлег.

Вскоре две палатки, что предназначались отдельно для мужчин и для женщин, затрепетали полами на ночном ветру.

Работали на стоянке все вместе. Никто не отлынивал от порученного труда. Поэтому и управились быстро. Вот уже горячая похлебка закипела на костерке. Камни для очага всегда оставляли для своих гостей жители Сокорья, поскольку ярмарка проходила рядом из года в год. Топливо все приносили с собой, иной раз набирая прямо по дороге – толстые камыши, торф, козий жир или навоз.

Как ни хотелось Ифу разведать всё вокруг и оглядеть, он, превозмогая себя, смиренно сидел у палатки, лишь глаза поблескивали. Руфина явно догадывалась о чувствах, обуревающих брата, хотя, вероятно, преуменьшала их силу. Потому, когда после ужина к их костру подошел почтенный старец с длинной белой бородой и тоненькими и такими же длинными усами, все восприняли это как должное продолжение вечера, а девушка даже тихонько облегченно выдохнула: внимание брата переключилось на гостя. Тот был явно знаком с их дядей, судя по теплым приветствиям, которыми они обменялись.

– Знакомьтесь, это уважаемый Лунхо, – обращаясь ко всем разом, сказал Ревус, – он известный сказитель. Его посещение – большая честь для нас!

Старец – удобно устроившийся на появившейся незнамо откуда кожаной подушке, с чашей исходящего ароматным паром ягодного отвара – благосклонно кивал головой в ответ на слова мужчины.

Все уселись кружком. Иф подобрался поближе.

Беседа текла неспешно и для начала касалась вещей неважных вроде урожая ягод за Косой грядой, нынешнего лета светлячков или здоровья коз. Когда условности были в достаточной мере соблюдены, заговорили о более значимом – про опустевшее Чистое, про пропавших на просторах болот, коих за последнее время стало как-то чересчур много, про пересыхающую далекую реку и странные слухи о загадочных темных фигурах, возникающих ночами в тумане.

– Духи встревожены, – глубокомысленно поглаживая бороду, вещал Лунхо. – Нужно собирать шаманов, чтобы они выяснили, в чём дело... Может быть, потребуется принести богатые дары... или жертвы, – добавил он, понизив голос.

Все переглянулись встревоженно, но промолчали. Заметив, как помрачнели лица сидящих вокруг людей, старец спохватился:

– Да что это я всё о печальном! Пора уже вспомнить, за что меня называли сказителем!

Хотите ли послушать сказ о храбром Гуку из деревни Золотые Сети и волшебной лягухе?

Голос его зазвучал со свойственной всем историям плавностью и напевностью, завораживая слушателей.

Нет такого человека, который бы не любил послушать легенды. Несмотря на усталость после целого дня пути, мужчины и женщины невольно вострепнулись, заинтересованно заблестели глазами, заёрзали на своих местах, устраиваясь поудобнее.

Есть нечто такое в историях, рассказанных у ночного костра, под темно-синим небом, что позволяет им запоминаться надолго и передаваться потом из уст в уста, обрастая красочными подробностями по мере пересказывания. Иной раз оставались неизменными только начало и конец, а середина удивительным образом изменялась до неузнаваемости – менялись имена героев, места их подвигов, причины поступков и последствия решений. Словно текущая вода, переметающая мелкий песок в русле ручья, что каждый миг свивает из него новый узор, человеческая память передавала сквозь время сказки, с каждым новым рассказчиком, с

каждым поколением привнося в знакомую историю нечто своё, что хотелось обязательно поведать. Одинаковыми были лишь жадное внимание слушателей и неторопливо льющийся голос повествователя, плетущий всякий раз чуточку отличающуюся от предыдущей цветастую картину в чужом внимающем воображении.

– Давным-давно жил-был... – размеренно начал историю Лунхо; древнейшее из начал рождалось вновь над пляшущими язычками пламени, отражающимися в глазах слушающих его людей. Глубокий голос сказителя объял всех вокруг, заставляя впитывать каждое слово.

...Давным-давно, когда мох был выше, чем нынче деревья, жил-был в селении Золотые Сети храбрый юноша по имени Гуку. Был он младшим сыном старейшины. С малых лет ходил он вместе с отцом на охоту – тогда ещё солнце светило так ярко, что и ночью было светло, поэтому не выходили из тьмы болотные духи. Тогда не было нужды в охранных огнях.

Однажды отправился Гуку на охоту один. Он ушёл так далеко, как не уходил никогда раньше. Заросли мха вздымались вокруг него всё гуще, всё выше. Звенели в небе синие птицы. Для охоты выпал удачный день, много добычи попало ему: грибки все как на подбор были большие да толстые. Присел Гуку отдохнуть на полянке травяную кочку. Солнце золотило верхушки зеленого мха.

Вдруг в зарослях камышовника послышался шорох. Насторожился Гуку: не топляк ли полосатый ползёт?

Но тут он увидел, как раздвинулись стебли мха и на полянку выскочила огромная лягуха. Никогда ещё не видел он лягух больше, чем эта. Зеленая шкура её лоснилась от слизи, золотые глаза на выкате смотрели бесстрастно. Её преследовала другая лягуха. Завязалась смертельная схватка. Плевались друг в друга едкой слюной огромные лягухи. Сшибались грудь на грудь, царапали шкуру врага маленькими коготками на передних лапках. Вскочил на ноги Гуку, чтобы не быть задавленным бьющимися лягухами. Наконец, одна из противниц пала бездыханной. Не успела победительница громко квакнуть над трупом врага, как раздался шорох, и на поляну вывалилась третья лягуха. Она тотчас же набросилась на оставшуюся. Разгорелась новая битва. Храбрый Гуку тем временем давно уже сидел на верхушке толстого стебля мха, который гнулся под его тяжестью почти до земли. В азарте борьбы лягухи сцепились в шар лапами и укатились с полянки в заросли. Оттуда продолжало слышаться злобное кваканье и мокрые шлепки.

Гуку решился слезть на землю, чтобы снять шкуру с павшей лягухи, а мясо нарезать и сложить в мешок. Иной раз в головах подобных животных попадались даже дивные желтые камни, ценимые повсюду.

Только шагнул Гуку к лягухе, только вынул нож из ножен, чтобы сделать первый надрез, как в этот миг она вдруг открыла глаза. Замер Гуку, не знает – то ли бежать прочь, то ли попытаться напасть, пока лягуха до конца не очухалась.

И вдруг молвила она человеческим голосом:

– Мои противницы изгнаны? Ты спас меня, храбрый юноша!

Шлепнулся на зад храбрый юноша, раздумывая, как бы побыстрее забраться на мох опять. Сражаться с шипящими грибками и топляками ему было привычнее, чем со внезапно воскресающими лягухами, умеющими говорить.

Тем временем лягуха продолжала:

– То были не просто противники, то были мои сестры. Все мы – дочери Хозяина болот. Сегодня мы бьемся за право выбрать себе жениха и продолжить род. Но, коли была я побеждена, нет мне пути назад. Возьмешь ли ты меня в жены, храбрый юноша? И, скажи мне, это ты от радости качаешься на ветке мха?

Как ни пытался залезть повыше Гуку, коварный мох склонялся всё ниже и ниже, а под конец и вовсе стряхнул его как раз к лапам чудной лягухи. Она вопросительно уставилась на

юношу выпуклыми глазами. «Хозяин болот рассердится на меня, если я её убью или если не убью?» – задумался он в этот момент.

– Угу, – только и смог выдавить из себя он.

Тем временем лягуха, не дождавшись внятного ответа, схватила парня в охапку, закинула себе на спину и помчалась большущими скачками в сторону его деревни. Словно летела она над землей, да так быстро, что миг донеслась до Золотых Сетей.

Скинула она юношу к ногам старейшины в центре деревни и говорит:

– Я – дочь Хозяина болот. Зови шамана, старый, я замуж выходить буду!

Онемел от удивления отец юноши. И говорит:

– Угу...

– Да, я смотрю, вы здесь все такие разговорчивые... – протянула лягуха.

Делать нечего, побоялись жители гнева дочери Хозяина болот, разбудили от полуденного сна шамана, попросили провести обряд. Гуку стоит ни жив, ни мёртв, о доле своей нелёгкой думает.

А шаман, накурившийся давеча цветов пурпурной лилии, приветствовал гигантскую лягуху как свою давнюю знакомую, ни капли не удивившись странному требованию. Лишь промычал глубокомысленно:

– Угу!..

Махнул костяным пояском шаман да и объявил их мужем и женой. И ушел обратно в свой шатер сны досматривать.

Отвели молодых в высокий домик за околицей деревни для первой попытки продолжения рода.

Совсем загрустил тут Гуку. Так и смотрит по сторонам: не удастся ли сбежать. Только отвернулся, а лягуха в спину ему говорит голосом нежным и ласковым:

– Дорогой муж мой! Раз я теперь твоя жена, то и ты стал названным сыном Болотного хозяина. Все тайны топей тебе станут подвластны после того, как я понесу первенца. Все твари трясин станут подчиняться тебе. Никогда ты не заплутаешь во мхах, не обожгут тебя блуждающие огоньки, не обовьют ползучие осоки. Иди же ко мне!

Вздыхнул горько Гуку – ну как тут не горевать! Жена – лягуха зеленая ростом с него самого! Но обернулся к ней, делать нечего. Не бросать же дочь Хозяина болот. Видать, у них там совсем худо с женихами, если сестры за право выйти замуж аж насмерть дрались!

Обернулся он и обомлел: стоит перед ним с веселой улыбкой прекрасная девушка, а у ног её лягухина шкура лежит, словно одежда. Красивее ещё никого он до этого мига не видал: волосы черной волной, гладкая кожа сияет смугло, губы как ягоды красные, а глаза золотые.

Рассмеялась девушка и обняла его, накинула плащом ему на плечи лягушачью зеленую кожу и увлекла в дом.

Так было положено начало племени угухов. Знаменитому скрытому племени охотников и сынов болот, известному своей неуловимостью и тем, что никто лучше них не чует самую суть глубоких топей.

Голос сказителя утих. В костерке рдяным жаром дотлевали угольки. Лагерь кругом к этому времени почти спал. Очарованные слушатели нехотя возвращались из дальних далей, где мох был выше человека.

– Эта история говорит нам: то, что сперва кажется плохим, может оказаться и хорошим. Главное, не терять надежду, а поступать как следует, по велению предков, – веско закончил Лунхо. Усмехнулся чему-то и обычным тоном добавил:

– Чаша моя опустела, вкусный у вас ягодный взвар...

Сидящие женщины тут же восторжничали – время-то позднее, налили почтенному сказителю в кожаную бутылку отвара, положили несколько кусков вареного мяса гриббов.

Довольно улыбающийся старец с благодарностью принял подношения и быстро откланялся. Нынешней ночью и без помощи дыма пурпурной лилии половине его слушателей будут сниться гигантские лягухи, а другой половине – черноволосые девушки... И угадайте, кому – что.

Утро следующего дня обласкало палаточный лагерь нежными лучами солнца, ещё не источающими жалящий зной, огласило гомоном бесчисленных голосов, где-то вдалеке пели песню без слов высоким чистым голосом, и непонятно было мужчина это или женщина поёт. Синий платок небес был нынче особенно ясен и чист. Птицы пересвистывались по кустам, щебетом соревнуясь с людским шумом.

Народ продолжал прибывать со всех сторон, торопясь выложить товары и принять участие в горячем увлекательном торге. В центре ярмарки было оставлено место для бродячих артистов, музыкантов, фокусников и сказителей, а торговые ряды уходили во все стороны крытыми узкими улочками, защищенными от надвигающейся жары навесами, сомкнувшимися над головой, как тоннель. В воздухе витали ароматы жареных в масле сладких лепешек и нарезанных на дольки фруктов. К вечеру гуляние должно было развернуться в полную силу. Выйдут на тонкую веревку канатоходцы, покажут ловкость гибкие танцоры в ярких нарядах, борцы померяются удалью, чародеи будут выдыхать огонь и заставляя исчезать воду из кувшина, зверолов покажет диких зверей в клетках, дудочник заворочит искусной игрой не только слушателей, но и пару пятнистых змей, что исполняют завораживающий смертельно опасный танец, певцы начнут соревнование за сердца торговцев и покупателей, что собрались на ярмарке, а ещё наверняка выйдет на длинных палках, привязанных к ногам, веселый человек в плаще с перьями посмешить народ.

Пока же часть деревенских расселась с принесенными светлячками и мясом гриббов на одной из извилистых улочек. Все принарядились, причесались, затейливо заплели волосы, подпоясались плетеными кожаными поясами. Дядя Ревус взялся присмотреть за поделками Ифа и ягодами Руфины, отпустив их побродить в округе, поглядеть на пришедших издали с диковинными товарами людей из Предгорий, горшечников и кузнецов, а также владельцев вещей, редких в этих местах – стекла, металла и тонких тканей. Обменять подобное можно было лишь на большой ярмарке, такой, как эта. С визгом бегала по рядам детвора из Сокорья. Единственные счастливицы, которые видели пестрый круговорот представлений, торга и происшествий чуть ли не каждый год, и кому не нужно было ждать достижения двенадцатилетнего возраста, чтобы иметь возможность попасть на этот праздник жизни. Конечно, не все зрелища предназначались для детских глаз, но дети есть дети: когда хотят, они незаметны, как крадущийся ух, и потому увидят и услышат, всё что хотят видеть и слышать.

Иф вертел головой во все стороны так, что казалось: его шея скоро не выдержит. Руфина поглядывала на него с ласковой насмешливостью, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать его поддразнивать. Ей вспомнилось, как она сама впервые попала на большую ярмарку с родителями. Ох, какое было событие! Сколько всего интересного! В памяти всё расплывалось разноцветным ярким пятном, остались четкими лишь медовая сладость пирожков, звон бубенчиков и теплые руки матери. Тут же сердце кольнуло тоскливым «если бы». Если бы всё было по-другому, они бы шагали сейчас по базарным рядам не вдвоём, а вместе с отцом. Он бы смеялся и рассказывал всё подряд о мастерах, мимо которых они бы проходили... А мама осталась бы дома, с Эй, у которой было бы другое, настоящее, имя и ждала их возвращения, не забыв попросить поменять цветных нитей для плетения...

Холод на мгновение сжал виски, на лбу выступила испарина, полотняный навес на шестах покачнулся, стало темнее. Флейта на поясе неожиданно потяжелела. Через пару ударов сердца Руфина пришла в себя. Кругом по-прежнему было тепло, светло, шумно и вкусно пахло лепешками. «Да что такое?!» – досадливо тряхнула головой девушка. «Не думай об этом!» – прика-

зала она себе. Покосившись на Ифа, она поняла, что её мимолетная слабость была незамечена, праздничный день для него продолжался, не омрачаясь ничем. Пусть так и будет дальше.

Они уже миновали ряды с ягодами, мукой, мясом и сыром, прошли выложенные ткани, шкуры, нитки и одежду. Не удержавшись, завернули на звонкий стук молота посмотреть на работу кузнеца, который, выставив горн перед прилавком с ножами, топорами и гвоздями, увлеченно ковал всякие мелочи для привлечения внимания. Это был полный рыжеволосый мужчина, кудрявый, с густыми черными бровями и бородой, заплетенной в маленькие косички с крошечными бубенчиками на конце каждой. От его размашистых движений бубенчики переливчато звенели. Он двигался так, словно не ковал, а танцевал! Ловко хватал щипцами на длинных ручках тонкую полоску железа, накалившего докрасна, перекидывал на небольшую наковальню – пара ударов с одной стороны, пара с другой. Веер искр. Раз – заготовка послушно изогнулась, два – свилась, три – снова вернулась в огонь. Оп – и в ведро с водой падает пышущая жаром улитка или витая шпилька для волос. Чудеса, да и только! На такого мастера можно смотреть бесконечно. А какое множество всего ещё ждёт, чтобы его оглядели, пощупали, попробовали, приценились, обсудили! Нет, нельзя задерживаться надолго...

С легким сожалением оторвавшись от кузнеца, брат с сестрой двинулись дальше.

Дальше были выставлены гончарами, приехавшими с окраин болот, где близко была твердая земля с залежами глины, пузатые горшки и миски с красными глянцевито блестящими узорами на круглых боках. По соседству с ними пристроился сухонький человечек с курительной трубкой, лениво приглядывающий за множеством плетеных камышовых корзин. Одна была такой большой, что в ней бы поместился Иф с головой.

Миновали лотки с куклами, стучащими игрушками, ловцами снов и связками сушеных непонятных штуквин – то ли фруктов, то ли насекомых. От выставленных лекарственных трав шел одуряюще сильный аромат. Чудодейственные камни и песок от всех болезней, который положено было медленно пересыпать из одной плошки в другую, а потом разравнивать малюсенькой мотыжкой, не оставили равнодушными даже Руфину. Она уже видела это и не раз, но глаза жадничали и хотели смотреть снова и снова.

Торговцы из Предгорий держались особняком. Их было всего-то пятеро человек, и привезли они мелкие вещи, которые легко было доставить в такую даль: украшения.

Наконец они нашли то, что выглядело повсюду Иф! Обычные бусы из сушеных ягод не привлекали его, такие можно было сделать и самому. А вот сияющие стеклянные и медные бусины, переливающиеся в солнечных лучах, пробившихся через щели в навесе – это совсем другое дело! Раковины, пуговицы, полупрозрачные драгоценные камни в браслетах, брошках, низках и связках... О, дивное зрелище завораживало мальчишеский взор не хуже блеска темной стали, выставленной у кузнеца. Обещанные Эй бусы предстояло выбрать, выторговать и обменять. И сделать это нужно было в самый первый день, пока лучшее ещё не разобрали.

Сидящий за прилавком парень не умолкая болтал языком. По виду не намного старше Руфины, с простодушным лицом, но хитрым прищуром карих глаз, одетый в свободную рубаху с вышивкой, он не производил впечатления опытного торговца. Скорее – сын владельца, поставленный в помощники, пока отец отдыхает. Люди подходили и уходили, осматриваясь, а он продолжал нахваливать продаваемые украшения, не стесняясь повторять одно и то же по десятому разу.

– Бусы! Броши! Звонкие, тонкие! Узорные! Самые прозрачные! Самые чистые бусины на свете! Чище слезы! Ярче радуги! Для жены, для сестры, для подруги! А вот – броши для суровых воинов! Медные! Из искристого камня, что зовется глазом ящерицы! Такие не стыдно и старейшине преподнести! Подходите, глядите! Яркие бусы! Лучшие бусы!

Руфина, заметив, куда тянет брата, не вмешивалась.

Иф неторопливо приблизился к прилавку, словно нехотя оглядел ряды бус, скользнув равнодушным взглядом по сияющим сокровищам. Одно из них тотчас притянуло глаз, но он не

подал вида: черный обруч, оплетенный тонким шнуром, на котором висели переливающиеся синим и розовым овальные листочки с заостренными краями. Глубокий лазоревый дивно оттенялся бархатно-черным. Это были не бусы, скорее ожерелье, но кого волнуют такие мелочи, когда к украшению так и тянется рука. Прочие покупатели в этот момент отошли, а новые и важные ещё не пожаловали, поэтому кареглазый продавец обратил внимание на мальчика.

– Вот бусы длинные! – взмах рукой в одну сторону. – Вот броши дивные! – взмах в другую. Испытующий взгляд исподлобья был наградой за его старания. Торговец ухмыльнулся:

– Понравилось что?

К добыче было положено подкрадываться медленно, чтобы ни в коем случае не спугнуть.

– А вот это у вас из чего сделано? – небрежно кивнул Иф, указывая на маленькую бронзовую брошку в виде фигурки непонятно кого, сжимающей в лапе круглую бусину оранжевого цвета.

– О, это изображение великого гуся, который может перенести через...эээ... всё великое Болото. Камень в центре – сердолик.

– А откуда он берется, этот сердолик?

– Известно откуда – из сердца гор! Поэтому так и называется.

– А другие камни тогда откуда? – прищурился Иф.

– Эээ... а другие – из почек гор и легких. И ещё из всяких других мест, – нашелся парень.

– А что за брошку хочешь?

– Возьму лягушину шкуру!

– За такую маленькую брошку – целую шкуру? – Иф всплеснул руками и сделал вид, что ослышался.

– Да у вас и лягухи-то мелкие, пожалуй, маловато одной шкуры будет...

– Э, нет, это твоя брошка даже лапки лягухиной не стоит. Видно сердце гор уже всё обособирали. У нас краснаягода на кочке и то крупней, чем этот камень. Ничего особенного.

– Он огненный, теплый, подходит тем, кто родился летом. Освобождает от грустных мыслей! Всякому уважающему себя охотнику на удачу нужен.

Иф повертел в руках брошку. Названный гусь никак не походил на себя. Бусина лаково блестела. Сбоку её был крошечный скол. Достав из кармана маленькую плетеную коробочку, мальчик открыл её и показала парню содержимое.

– Даю краснаягоды за нее!

Кареглазый сумрачно взглянул на ягоды. Крупные, сияющие глубоким алым цветом – так и манили съесть. Целебные и редкие, они ценились повсеместно.

Искушение было велико. Наконец он спросил:

– Сколько там?

Иф трижды показал пятерню.

– Ладно, по рукам! – коробочка перекочевала под прилавок, а брошка торжественно была передана новому владельцу. Каждый чувствовал, что сделка прошла выгодно.

Настал момент, ради которого и был затеян весь этот обмен:

– А вон тот обруч, ну, черный... почему отдашь?

Улыбающийся парень не почувствовал подвоха:

– За пять раз по столько, – он потряс коробочку с ягодами. Стекланные листики на круге не виделись ему особо дорогими. Иф в притворном раздумье наморщил лоб. Потом достал из другого кармана ещё одну коробочку, заглянул в нее, беззвучно шевеля губами. Сделал вид, что пересчитывает содержимое, хотя и так знал – там тридцать ягод.

– Не, многовато просишь. Здесь три раза по десять.

– Да что ты, это ожерелье звенит и ласкает взгляд! Никак не меньше сорока ягод стоит!

– Больше нет, – отрезал Иф, но смягчив тон, сделал уступку, – могу предложить ещё вот такой ароматный корешок болотного болиголовца. Если положить в воду, очищает ее, освежает дыхание, успокаивает.

Достав толстенький белый корешок, он помахал им перед носом продавца. В этот миг было не понятно, кто же кого соблазняет обменом. Другие торговцы, из местных, сидевшие поодаль, весело усмехались, глядя на бойкий торг.

Болиголовец был известной травой, за которой велась настоящая охота. Конечно, для жителей болот было не так уж сложно его достать, но для приезжих он представлял нешуточную ценность. Ожерелье нужно было добыть любой ценой. Но лучше подешевле.

– Эх, парень, да что с тобой поделаешь! Повезло тебе! Сегодня я такой добрый! Отдаю чудеснейшее украшение из лазурного стекла в обмен на три десятка ягод и вот этот корешок. Давай его скорей сюда! – с этими словами молодой продавец выхватил названные вещи из рук Ифа, взамен движением фокусника сунул ему обруч с листочками и холщевый мешочек под него.

Совершив сделку, оба удовлетворенно улыбнулись друг другу. Сегодня был удачный день!

Руфина, наблюдавшая это представление от соседнего прилавка, вновь подумала, что её брату очень хорошо удаётся ладить с людьми, в отличие от неё.

Можно было пускаться в обратный путь к своим покинутым на дядьку ягодам и прочему, что ещё предстояло обменять на нужные вещи и запасы еды.

Торжествующий Иф шел и светился от гордости и удовольствия. Теперь сидеть и расхваливать вырезанные из дерева фигурки будет вдвойне приятно – подарок для Эй уже приготовлен! А вечером, по словам сестры, их ждёт невиданное веселье на центральной площади ярмарки.

Когда они проходили рядом с лотками сушеных трав и разнообразных корешков, Руфине пришло в голову, что хорошо бы получить пучок мыльного корня в обмен на десяток краснойягод. Вполне честная цена. С этими словами она обратилась к женщине, что предлагала подходящей толщины корня. К её удивлению, та согласилась, не торгуясь, с некой торопливостью впихнув в руки девушки немалых размеров пучок, перемотанный серой веревкой. Сквозь обычный гомон толпы пробивались слишком громкие выкрики. Торговка, как и другие вокруг, с любопытством тянула шею, стремясь разглядеть, что происходит. её внимание было устремлено в сторону, за спину Руфины. Обернувшись, чтобы выяснить, что случилось, девушка увидела молодого человека в красной куртке, с волосами столь же светлыми, как и у неё самой. Он явно горячился, размахивая руками, пытался добиться чего-то. У продавца трав перед ним – небольшого роста, с тонкими усами и аккуратной бородкой – на лице застыла гримаса вежливости, через которую явно пробивалась неприязнь. С застывшей улыбкой, больше похожей на оскал, он что-то тихо отвечал наседающему парню.

Руфина поняла, что уже мельком видела этого светловолосого чужака, пока они с Ифом блуждали кругами, оглядывая ярмарочные чудеса. Он светился, коротко стриженный, словно мальчишка, среди обладателей черных кос и козых шляп, напоминая цветок водяной лилии в темноте. Сама не зная, что собирается предпринять, она медленно двинулась вперед, к спорящим. Стали слышны слова, что бросали те друг другу.

– Нет, парень, здесь ничего подобного нет.

– Но эти цветы должны быть здесь! Мне указали именно вас, как человека... – лицо юноши пылало.

– Повторяю, у меня – и ни у кого другого тоже – здесь такой травы нет! Уходи!

– Я не уйду! Я проделал такой путь не для того, чтобы услышать, что нужно мне лекарство никто не собирает и не продает!

– Боюсь, тебе всё же придется уйти! – чуть повысил голос продавец. – Уходи! Никто не находил дымянку уже много лет! Все, кто пытался – пропали, сгнули. Даже не думай, что тебе бы удалось купить её!

На крики со стороны начала травяного ряда с угрожающим видом приближались трое охранников, с красными повязками на руках. Призванные следить за порядком, они не торопились, видя, что ни кражи, ни драки нет. Связываться с гостями ярмарки, приехавшими издалека, им явно не хотелось, поэтому они шагали и надеялись, что к тому времени, как доберутся – спорщики разойдутся сами.

Продавец, видя их нарочитую степенность, досадливо сплюнул на землю. Уже битый час дерзкий мальчишка добивался от всего ряда редкой травы – дымянки, и избавиться от него хотелось даже больше, чем выпить горячего отвара. Вдруг он увидел столь же светловолосую девушку в традиционной одежде жителя закатной стороны болот, пробирающуюся через толпу в их направлении.

– Эй, дева! Эй! – с явным облегчением замахал руками травник. – Ты его ищешь? Забери скорей, нечего ему тут делать! Видишь, охрана идет!

Не успела Руфина придумать ответ, а юноша-чужак возмутиться, как их сгреб под руки незаметно подкравшийся Иф и утащил со злополучного ряда. От неожиданности оба подчинились, позволив вести себя младшему. Чуть не бегом они достигли конца крытой улочки, проскочив все шатры, и вывалились на внезапно открывшийся за последней тряпичной стеной простор болот. Иф тут же отпустил их локти и насмешливо посмотрел на опешившую сестру, мол, ай да я, не ожидала?

Она беспомощно пожала плечами в ответ и взглянула на неожиданно приобретенного спутника. У него были круглые карие глаза, прямой нос и узкий подбородок. Смешная челка падала на брови цветом чуть темнее волос. Даже ресницы были светлыми. Ворот красной куртки украшала вышивка коричневыми нитками, изображавшая тонконогих птиц. Штаны точно в цвет вышивки перетягивал плетёный пояс с ножнами. Весь внешний вид этого молодого человека говорил, что он происходит из непростой и явно богатой семьи. Тем более странно было его одиночество на базаре. Куда подевались слуги и телохранители? Почему отпустили одного? Эти вопросы теснились в голове у Руфины, пока она молча смотрела на юношу. Очевидно, у него тоже было так много мыслей в голове, что он несколько раз раскрывал рот и тут же закрывал его, подавившись воздухом. Яркая краска, спавшая было с его щек за время бегства, возвращалась обратно.

Пока парень выбирал, что сказать, он успел рассмотреть незнакомку получше. Перед ним была стройная тоненькая девушка в обычной для болотников зелено-желтой запахивающейся рубахе и просторных штанах. Странность была в её чертах лица, слишком утонченных для круглолицых местных, и в цвете волос, которые казались под лучами солнца почти белыми. Но необычнее всего были её глаза – один синий, другой зеленый. Мальчишка, что крутится рядом, похож на нее, как две капли воды, только глаза ярко-синие. Явно он родственники.

– Ваши волосы! – воскликнул парень, наконец выбрав то, что было очевиднее всего, – Светлые! Как мои! И глаза! Откуда вы? И зачем вы увели меня?!

– Ну, для начала, не увели, а я – увёл, – подчеркнул последнее слово Иф, не давая сестре ответить, и перехватил нить начинающегося разговора. Он совсем не впечатлился видом светловолосого и воспринимал его как несмышлёныша чуть ли не младше себя. Ни косы, приличествующей возрасту, ни татуировок нет!

– И потом, мог бы и поблагодарить! Всё-таки от охраны базара тебя спасал! Ну и тебя тоже, – добавил мальчик, обращаясь к старшей сестре. Та только руками всплеснула на столь самоуверенное заявление.

– Спасибо, конечно, – после непродолжительной паузы сказал чужак. – Только они не показались мне особенно грозными. Эти ваши охранники. Сомневаюсь, что была необходи-

мость... Да, что теперь говорить, – он махнул рукой. – Всё равно мне не удалось добиться толку от травников...

Ах, да, позвольте представиться – я Дарн. Сын Корна. Из Предгорий. – Он обозначил поклон легким кивком головы. – Как ваши имена?

– Я Иф, а это Руфина, мы из Закатного края болот, – в ответ на кивок они заулыбались, уж очень необычно это выглядело.

– Вы не похожи на болотников... э, на жителей этих мест, – быстро поправился Дарн, заметив, как при слове «болотники» брат с сестрой разом поморщились.

– Наша мать из Предгорий, – пояснила Руфина, справившаяся с неожиданно охватившим её смущением. – Скажи, Дарн, сын Корна, зачем ты требовал от торговца дымянку? Эта трава очень редкая и... – запнулась она, – её никто не собирает сейчас.

Лицо молодого человека помрачнело:

– Моя мать очень больна. Лекарь сказал, что эта трава – последняя надежда. Но у нас её не достать. Ни за какие богатства. Все только и твердят, что раньше она была редкой, но купить было вполне можно. А нынче – нигде нет. Уже больше десяти лет так, как мне удалось выяснить. И понятно стало, что привозили её торговцы, что добирались до Болота...

– И ты бросил больную мать одну?! – перебил его Иф. Выражение синих глаз было столь негодующим, что Дарн слегка отшатнулся.

– Э...вовсе не одну...там родня, слуги, – в замешательстве он не знал, что ещё сказать. Лицо его вновь мгновенно покраснело.

– А что мне было делать?! Сидеть и смотреть, как она умирает?

«Зато теперь-то ты, может, вообще не увидишь, как она умрёт», – подумал Иф и тут же устыдился собственной черствости.

– Все были против того, чтобы я ехал, говорили мне, что эта трава редкость и её невозможно найти, что я не доберусь! – продолжал Дарн, постепенно повышая голос. – И поэтому мне пришлось покинуть дом тайно!словно я какой-то вор, беглец! – он осёкся и замолчал, пытаясь справиться с собой. В самом деле, почему он рассказывает всё впервые увиденным болотникам? Да ещё и почти что оправдывается.

В этот момент Руфине пришло в голову, что он, должно быть, довольно вспыльчив, раз так легко краснеет и выходит из себя.

– А как ты добрался сюда? Один? – продолжал допытываться Иф, не особо смущенный вспышкой гнева чужака.

– А тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов? – Дарн быстро взял себя в руки и, наконец, начал задумываться, что он говорит, кому и зачем.

– Что такого? – не понял мальчишка. – От того, сколько времени ты потратил на путь, зависит, много ли у тебя его вообще...

Повисла пауза, холодящая очевидностью незаконченной мысли.

Руфина невольно отвела глаза. Солнце припекало голову, в двух шагах за спиной шумела ярмарка сквозь полотнища палаток. «Почему я хотела подойти и помочь ему?...» – подумала она.

Тут в голове молодого человека промелькнула мысль, что, возможно, если ему удастся подружиться с местными или, хотя бы, как следует их разговорить, то они как-то помогут ему отыскать необходимое лекарство. Коль уж они так удачно подвернулись после провальной попытки его купить. Более спокойным тоном, чем раньше, он ответил:

– Я подгадал время и присоединился к тем торговцам, что направлялись на вашу Большую ярмарку. Мы были в пути четыре круга. Нам повезло, что особых трудностей не встретилось – я наслышан о разбойниках, что поджидают такие отряды под каждым кустом...

– Тогда они будут поджидать вас на обратном пути, – тут же влез Иф. – Ведь отсюда повезут товары, которых у вас нет.

– Да... об этом я как-то не подумал... – протянул Дарн. – Впрочем, я второй день здесь, но цели своей пока не достиг. Почему мне никто не хочет продавать эту траву? Они все вели себя так, словно я солнце с неба просил.

Руфина беспомощно пожала плечами:

– Я не знаю точно... Слышала, это связано с запретом Великого шамана. Кажется, духи болот рассердились за что-то на сборщиков дымянки. То ли они вырвали слишком много травы, то ли собирали не там, где надо... В общем, это было давно, когда я была ещё маленькая.

– Но мне надо совсем немного, всего несколько стеблей и корень, – умоляюще прижал руку к груди Дарн. – У меня есть жемчуг на обмен. И пара хороших ножей. И ещё чего-нибудь найдется... Может, вы знаете кого-то, кто бы мог показать мне, где она растет?

– Ты отправился в такой путь, рассчитывая, что сможешь обменять очень редкую траву, которой нигде нет, на пару ножей? – Иф насмешливо смотрел на светловолосого чужака сверху вниз, несмотря на то, что тот был на две головы выше.

– Ты думаешь, я так тебе и выложу, что у меня есть?

– А торговцу бы что, не выложил?

Синие глаза с азартом уставились в карие.

Руфина, поняв, что разговор сейчас затянется, вежливо улыбаясь, схватила брата за руку и потянула, чтобы увести с собой со словами:

– Послушай, извини, что так получилось, но нам срочно надо идти. Если мы что-то узнаем, мы тебя найдем. У торговцев из Предгорий, верно?

Чужак с огорченным лицом потер лоб. Их поспешный уход был неожиданным и слишком походил на бегство. Интересно, что случилось...

– Мы постараемся узнать, – попыталась обещанием смягчить свою грубость девушка.

Через миг брат с сестрой, взмахнув лапами рубашек, исчезли за тряпичной стеной, будто их и не было. Разговор, начавшийся так внезапно, столь же резко и оборвался.

– Иф, мы надолго ушли, дядя Ревус будет ругаться, – пояснила она мальчишке на бегу.

– Да ладно, из-за этого мы убежали? – не поверил он.

– Ну, не только... – проскочив несколько рядов, они перешли на шаг. Руфина задумчиво посмотрела на скрытое полотнищами небо. Честно говоря, ей понравился светловолосый парень. Он выглядел так загадочно... Очень хотелось расспросить его о той жизни, что протекала за четыре круга пути от их родных болот с вечной жарой и влажностью, в ветреных сухих Предгорьях. Но когда речь зашла о дымянке, девушка почувствовала странную неловкость, словно она обязана была помочь, но отказалась.

– Болезнь матери – правдоподобный повод, чтобы отправиться в такую даль, но... Это же безрассудно... И... ты не подумал, Иф, почему мы верим, что эта история истинная правда? – рассуждала вслух она.

– Зачем он мог это придумать? Чтобы выведать, где растет ценная трава, и выдрать её всю? – простодушно предположил мальчик, но тут же добавил:

– Так он не выглядел особо умным... И его крики слышал весь базар! Вызнавал бы тайком тогда, потихоньку.

– Да кто поймет этих чужаков!.. – пробормотала Руфина, а в глазах у нее так и стояли длинноногие птицы на красной куртке и светлая, раздуваемая ветром челка.

Дядя Ревус, вопреки опасениям, встретил их добродушно. Посмеиваясь восторженным рассказам Ифа об увиденном, услышанном и ощупанном, он усадил их на раскинутые на земле подстилки, вручил по куску лепешки и велел покормить светлячков вечером. Поцокал языком, рассматривая выменянные бусы. Похвалил за хороший подарок для младшенькой. Не стовариваясь, брат с сестрой ни словом не обмолвились о новом знакомом.

День промелькнул мигом в бесконечной череде лиц, шуме голосов, разговорах о качестве ягод и местах сбора. Все подходящие к маленькому прилавку Руфины с Ифом считали своим долгом поинтересоваться, далеко ли пришлось идти, чтобы набрать краснойгоды, хорошо ли нынче летели светляки и долго ли полировать корень, чтобы сделать из него птицу. К вечеру в их сумках прибыло ткани, твердого козьего сыра, ниток, соли, сладких сушеных долек и всякой другой необходимой для жизни мелочи.

Солнце спустилось за край земли незаметно и быстро, сперва скрывшись за рядами палаток и навесов, плеснуло синюю тень, заставив людей зажигать желтые шарики ламп. Вскоре вся большая стоянка украсилась гирляндами дрожащих огоньков, опоясалась сиянием. Где-то далеко, во тьме болот бродили духи с ветвистыми рогами на головах и нюхали влажный воздух. Эй уже спала в домике тети Ришки вместе со своими двоюродными сестрами, набегавшись за день за козами. Нет животного коварнее козы! Она так и норовит убежать не пойми куда, пережевать веревку, должную удерживать её на месте, и лягнуть во время дойки. А потом косит карим глазом с длинным зрачком и делает вид, что ничего не случилось... Ох, и верткие козы у тетки!

Руфина и Иф тоже изрядно утомились за день, наполненный событиями.

Но грядущие выступления на центральной площади не давали покоя, заставляя забыть об усталости.

После ужина все, причесавшись и принарядившись, направились поглядеть на танцы, песни и фокусы. Иф приколот к рубашке брошку с сердоликом, Руфина уложила волосы в три косы. Сторожить вещи и палатки остался невозмутимый Занур; за день он где-то разжился табаком и теперь сидел спиной к костру, пускал дым колечками из короткой черной трубки и поглядывал по сторонам. Вроде бы лениво, но нет-нет да блеснут внимательно глаза.

Народ постепенно стекался к площади, шумел, шуршал одеждой, сиял улыбками.

Местные музыканты уже присели с краешку и наигрывали тягучие мелодии, похожие одна на другую, как каждый день на болотах похож на следующий. Было невозможно понять, где заканчивалась и заканчивалась песня без слов. В одном месте часть зрителей столпилась вокруг мужчины с длинной тонкой косой, ловко подбрасывающего тряпичные мячики, набитые песком. Под смех и хлопки в ладоши он сменил мячики на плетеные тарелки, потом на камни и, наконец, на опасно поблескивающие ножи. Свистящей вереницей они взмывали вверх, чтобы через миг, под слитный вздох толпы вновь послушно лечь рукоятью в ладонь. С кажущейся легкостью мужчина управлял их полетом, не останавливая кружение. И вдруг замер. Ножи словно застыли в наивысшей точке над его головой, а затем рухнули вниз. И воткнулись по рукоять в подставленное камышовое блюдо, прошибив то насквозь. Зрители одобрительно загудели. На расстеленный перед выступившим коврик стали добавляться пирожки, корешки, ломти сыра – всякая мелкая всячина, которую можно подарить в благодарность за развлечение.

Только одно зрелище заканчивалось – тут же начиналось два других. Знай крути головой да переходи туда, где интересней! Так и делали Иф с сестрой, то разделяясь, то сходясь вместе. Торговцы не только смотрели, но и сами весело участвовали в песнях и танцах. Самые же главные развлечения – большое представление актеров, обещавших показать постановку по легенде про Каменного дракона и его любовь к Владычице реки, и праздник закрытия ярмарки были назначены на третий, последний, день. Конечно, как всякое торжище, и это не обходилось без краж и стычек излишне горячих голов. За возможными воришками следила назначенная охрана, а для прочих любителей помахать кулаками каждый год устраивались борцовские поединки, в которых мог участвовать любой желающий. В первый день боролись кто кого уронит на землю, во второй день между выигравшими назначались поединки на кулаках, а на третий – оставшиеся бились длинными шестами. Судили их опытные борцы, чтоб без особого членовредительства обходилось, а единственному победителю преподносили расшитый

яркими нитками пояс, который он гордо уносил с собой, похваляясь потом в своей деревне удачью и статью. Три полосы украшали пояс: красная как кровь, желтая как солнце и зеленая как мох. Редко когда обладателем пояса становился не житель болот. То ли потому, что приезжие думали о прибыли, а не об участии в боях, то ли потому, что те несколько воинов, что сопровождали караваны, считали ниже своего достоинства соревноваться с более тонкокостными и низкорослыми болотниками. Как бы там ни было, получить пояс Победителя Ярмарки, как его называли, мечтал каждый мальчишка от края до края мшистых просторов.

Рядом с такими бойцами и крутился Иф. В жадном стремлении увидеть всё и всё услышать, он подлезал к готовящимся к бою:

– Давайте помогу! А можно ремни подержать? А как всех победить?

Бывалые охотники лишь добродушно посмеивались над ним.

– Слушай, малец, – сказал один из них, кряжистый и приземистый, с сединой в усах, – Одного желания победить маловато. Нужно быть крепким как древесный корень, никогда не выдавший солнца, ловким, как топяк, внезапно прыгающий на свою жертву из-под кочки, и сильным, как удар камня о камень.

Иф слушал его с вежливым выражением лица, но наклонив голову на бок так, что возникало ясно читаемое впечатление почтительного сомнения.

– А бегать вокруг деревни, поднимать тяжести и есть много мяса не надо?

Охотник расхохотался:

– Да ты, малый, не промах! Конечно, надо! ещё желательно научиться обращаться с шестом.

– А как?

– Ну, или отец пусть научит... Или, коль он не умеет, найди самого сильного охотника в деревне и попроси взять тебя к нему в ученики. Сам-то ты много не намахашь.

Лицо Ифа после эти слов стало задумчивым. Он умел лишь метко кидать тонкие колышки в цель... А вот драться с шестом... Кто же лучший охотник из тех, кого он знает? И, что более важно, как уговорить его обучать?

Руфина, видя, чем увлечен брат, тихонько направилась в сторону доносящейся музыки. Пока Иф рядом с тем, что ему интересно, он никуда не денется. Белоголового чужака по имени Дарн, сын Корна, нигде не было видно, чему девушка была одновременно и рада и не рада. Любопытство влекло к нему, но разговаривать про поиски дымянки почему-то не хотелось. Ведь она так пока ничего про нее и не узнала.

Когда она подошла к кругу людей, обступивших певцов, там наметилось некое движение. Полная женщина в расшитом блестками платке только что закончила петь долгую песню о молодом сборщике ягод, ушедшем далеко-далеко и пропавшем среди топей. Слушатели похлопали в ладоши и облегченно вздохнули, потому что история, о том, как тот ходил по кочкам, по тропам, по гатям и мхам, стая об оставленной дома любимой, стая от грусти по загубленной жизни и о ненайденных ягодах, уже порядком поднадоела. Полог соседней палатки зашевелился и оттуда выбрался человек настолько высокий, что показался Руфине потомком горных великанов из сказок матери. Явно это был один из приезжих музыкантов. Черты его лица также были по-великански грубыми и рублеными. Черная грива незаплетенных волос падала на плечи, руки сжимали маленький барабан. Слегка неуклюже выбравшись на свет к вниманию зрителей, он на миг замер, оглядывая всех. Следом за ним в круг выскочила маленькая, как птичка, пожилая женщина со странно изогнутым инструментом. Красный платок, повязанный на голову, сочетался с алой лентой на грифе. Её пальцы бойко ударили по струнам, извлекая веселый переливчатый звон. И тут великан в один миг преобразился. Неуклюжесть как ветром сдуло – расправив плечи, он уверенно ударил ладонью в барабанчик. Завлекательный ритм забился, запорхали руки играющего. Под такую песню не грех и хорошенько сплясать! Ноги

сами стремились притопнуть в такт. Великан бил в барабан и улыбался. Но всё же в мелодии как будто бы чего-то не хватало. Едва Руфина осознала это, флейта сама собой очутилась у нее в руках. Верная спутница, как всегда висевшая в чехле у нее на поясе, рвалась петь. В общую мелодию струн и барабана легко влился её тонкий голос, подстраиваясь на лету. Маленькая женщина удивленно вздернула бровь, но барабанщик одобрительно подмигнул девушке, подбодряя. И весело журчащая песня взметнулась ввысь, беря новый виток, распахивая крылья. Свет ламп словно стал ярче вокруг. Всё новые люди подходили послушать и смеясь начинали хлопать и кружиться парами и тройками, взявшись за руки. Прибежали, хихикая и подначивая друг друга, три танцовщицы в ярких шелестящих юбках, бабочками запорхали вокруг музыкантов. Круг стал шире. Веселье охватывало всех, распространяясь искрящимся огнем. Сколько песен они успели сыграть, Руфина не запомнила. Память сохранила лишь непрерывность игры и чувство упоения от этого. Из толпы ей, улыбаясь, махал Иф. Несколько раз барабанщик брал струнный инструмент, столь же ловко управляясь и с ним, а его маленькая спутница взамен подхватывала барабан. Временами она пела короткие и веселые песни. У неё оказался сильный низкий голос, легко заглушающий людской гомон. У девушки устали губы и пальцы, но флейта вдохновенно пела и была теплее руки.

Наконец пожилая музыкантша объявила об окончании выступления. На платке перед ними давно уже высилась порядочная гора подарков от благодарных слушателей. Руфина поклонилась всем и отдельно своим неожиданным соратникам и собралась уходить, когда её окликнули. Маленькая женщина, чье имя она постеснялась спросить, щедро впихнула в руки девушки часть полученных за музыку подношений.

– Бери-бери, не стесняйся, – слегка ворчливо проговорила она в ответ на удивленные восклицания. – Ты прекрасно играла!

И, не слушая сбивчивых благодарностей, добавила:

– Меня зовут Улия, девочка, а этого оболтуса, – кивком указывая на подошедшего великана, – Горт. Приходи завтра снова к нам, если захочешь!

– Конечно, хочу. Спасибо вам! – только и вымолвила Руфина, у которой от избытка впечатлений и усталости глухо шумело в ушах.

Следующий день был повторением первого: дневная торговля, вечерние гуляния. Иф пропадал на выступлениях борцов, найдя себе в придачу ещё одно развлечение – учиться у канатоходцев ходить по низко натянутой веревке. Те натягивали её для всех желающих попробовать ловкость, а взамен просили маленький взнос – еду или вещицу. Главной хитростью в такой ходьбе было ставить ступню точно посередине, чтобы удержать равновесие. Иф заметил, что чем туже натянут канат, тем легче шагать. Для тех же, кому удалось преодолеть первую веревку, уже была повешена другая – на уровне колена и с небольшой слабиной. Тут уж удерживались и вовсе немногие. Зато усилия стоили того: прошедшему успешно в награду вручали деревянный кружок с руной и лепешку. Всякий желал попробовать!

Тем временем Руфина с упоением, до головокружения, играла вместе с теми же музыкантами; душа её пела в унисон с флейтой у губ. Круговорот лиц тёк мимо, пестрил и рябил в глазах. Через некоторое время ей начало казаться, что она знает всех этих людей, потому что видела их по меньшей мере по несколько раз. Мелькнул в отдалении красной курткой Дарн, но затерялся в толпе. Играя, девушка сосредоточила внимание на мелодиях, вкладывая в каждую искреннее желание выразить свою радость. Но даже при этом она не уставала удивляться тому, что заметила ещё накануне: как преображался Горт, как только в его руках оказывались инструменты. Исчезали неуклюжесть и отстраненность, сменяясь непринужденностью. Он властно вовлекал слушателей в действие, уверенно и непринужденно управляя их чувствами. Барабан и струны повиновались ему с той легкостью, которая выдает мастерство.

«В таком гиганте никак не заподозришь утонченную склонность к музыке, – думала Руфина. – Но внешность так обманчива, правильно говорят!»

После выступления Горт подошел к ней. Прежняя скованность вернулась, он словно стеснялся своего роста, пряча это за непроницаемым выражением лица. Руфина как раз, протерев флейту, прятала её в чехол на поясе.

– Можно посмотреть твою дудочку? – Горт просительно улыбнулся.

Заколебавшись на миг непонятно почему, девушка всё же протянула своё сокровище гиганту. Бережно погладив темное блестящее дерево, музыкант пробежал пальцами по резьбе вдоль отверстий.

– Я знаю мастера, который изготовил твою флейту, – налюбовавшись, проговорил он. – Великий человек! Он живет в городе, откуда я родом. Далековато от ваших мест...

– Её подарил мне отец, – ответила девушка на невысказанный вопрос и перекинула светлую косу через плечо. – Он был путешественником. Бывал даже в Предгорьях!..

– О? Вот как? – задумчиво проговорил Горт, возвращая флейту владелице. Его взгляд не отрывался от резного корпуса до тех пор, пока тот не скрылся в чехле. Тут он вскинул на Руфину глаза, явно собираясь сказать ещё что-то, и стало заметно, насколько они светлосерые. «Удивительно, как я не увидела этого раньше!» – подумалось ей. Но продолжить беседу с Гортом им не дали. С одной стороны подошла Улия, снимая с головы платок, с другой ужом ввернулся под руку сестры Иф с веселым возгласом:

– А я научился по канату ходить! Хочешь, покажу?

Великан-музыкант мягко улыбнулся всем и молча отошел к своей палатке.

Последний день ярмарки был тише предыдущих. Желающие обменяться уже договорились, получив нужные вещи, опоздавшие к началу – дошли, жители разных мест – наговорились друг с другом, рассказав все новости, какие можно было. Даже заключительные поединки боёв за звание лучшего охотника прошли с какой-то ленцой. Участники важно сходились и расходились, обмениваясь ударами шестов с привязанными на концах мотками мха, намоченного в белой глине. Чтобы не калечить соперников для определения победителя, в конце каждой схватки подсчитывали число отметин от краски на теле. Наглядно, удобно, а главное – никто не уйдет с ярмарки с раскроенной головой. Охотники были слишком большой ценностью для каждой деревни, чтобы позволять им так запросто, из пустой удали, калечить себя. Всякий знает, что Пояс победителя – это, безусловно, почетно и хорошо, но еда на тарелке (и, желательно, каждый день) гораздо лучше.

Обещанное с первого дня торжища представление о жизни Каменного дракона и его любви к Владычице реки началось после полудня. Навесы исправно защищали от палящих солнечных лучей, сладкие лепешки были горячими и ароматными, а зрители, расположившиеся прямо на земле, – доброжелательно настроенными и неизбалованными. Ближе к краю площади актеры натянули для себя прямоугольную палатку, куда заходили, чтобы сменить наряд или скрыться, пока не наступит время их появления в действе.

Руфина, сидевшая на прихваченной с собой маленькой циновке, с удовольствием наблюдала за историей, которая разворачивалась перед ней. Ей нравились яркие одежды актеров, их раскрашенные лица, блестящие ненастоящие мечи и общая загадочность происходящего. Старец с длинной накладной бородой выходил перед каждым отрывком истории и объявлял, что будет дальше. Без этого было бы трудно разобраться в круговращении героев без имен, не произносящих ни слова, а лишь изображающих, что делают персонажи легенды. Конечно, понятно, что, например, бой на мечах – это бой плохих с хорошими, но вот из-за чего он случился и к чему должен привести... Впрочем, зрители додумывали половину несказанного. Вот Каменный дракон с грозной гримасой преследует каких-то врагов. Широкие рукава длин-

нополой одежды красиво взмывают в воздух при выпадах. Вот его возлюбленная с красными кружочками на щеках простирает руки к небу, стоя на низенькой табуретке. Пара девушек рядом кидают на землю белые горошины. Наверное, волшебные. Вот несколько людей в войлочных шапках бегают туда-сюда, видимо исполняя поручение командира. А вот в заключительной схватке мужчина в зеленом балахоне и с пучком веток на шапке пытается достать главного героя ударом шеста, но злодей повержен широким взмахом чудесного оружия и картинно падает... В конце концов влюбленные вместе – преодолевшие все препоны и счастливые.

Сумбурное повествование вызвало, тем не менее, бурю восторга у зрителей. Все актеры, радостно улыбаясь, высыпали из палатки, кланяясь и махая платками в знак благодарности.

Представление удалось на славу!

Но народ не спешил расходиться. Впереди был Праздник окончания, на котором песнями и танцами было положено приманивать удачу, чтобы она не отвернулась от торговцев и добытчиков до следующей Большой ярмарки.

Чуть за вечерело, как посередине площади зажгли ритуальный костер. Три шамана в украшенной перьями одежде, похожие друг на друга как братья, разводили его, шепча непонятные слова себе под нос. Один провел ладонью над огнем, и пламя полыхнуло белым, враз взметнувшись выше его роста. Все сидящие слитно охнули. Другой шаман тряхнул трещоткой, выдав звонкий стук, пронзительно разлетевшийся в теплом воздухе. Третий стукнул билом в бубен с маленькими железными колечками по краям. Удар, треск, удар – огонь в костре приседал и взмывал вверх, подчиняясь нехитрому ритму. Люди вставали со своих мест и брались за руки. Первый круг, второй, третий... И вот уже все оказались скрепленными между собой ладонями, как пряди косы. Лишь приезжие из Предгорий не участвовали в действе, оставшись за пределами площади. Тем временем людские круги пришли в движение: медленно-медленно, плавно потек водоворот с костром в центре. Шаманы, закрыв глаза и запрокинув лица к небу, затянули песню без слов. Она не казалась заунывной или мрачной. Удивительным образом им удавалось выводить расцветающую радостью и гордостью торжествующую мелодию. Сильные голоса сплетались в один. Удары в бубен звучали с каждым мигом всё чаще, хороводы двигались всё быстрее, песня взмывала ввысь вместе с искрами от белого пламени, скорость кружения нарастала волнами. И вдруг на самой высокой точке трели певцы разом замолчали. Люди с легким запозданием остановились. Огонь устало опал, обретая обычный желтый цвет.

Шаманы как один воздели руки. Все стоящие согласно повторили этот жест. В тишине было слышно потрескивание дров.

– Да будет удача! – сказал один из говорящих с духами, с черной полосой поперек лба.

– В охоте и сборе! – добавил второй. У него полоса проходила через лицо, закрывая нос.

– Празднуйте, жители! – заключил третий, блеснув белыми зубами. Угольно-черный цвет украшал его подбородок.

Тут же со всех сторон им в ответ зазвучали смех, хлопки в ладоши и восторженные вопли. Ритуал завершился. Можно веселиться! Кто-то затянул песню, раздались струнные переборы, большие хороводы распались на множество маленьких. Теперь все плясали со всеми, тройки и двойки кружились, то и дело меняясь участниками, и никто не остался одинок. Гости ярмарки – актеры, канатоходцы, торговцы – все высыпали на площадь. Хотя ещё далеко не стемнело, зажглись множество фонарей и ламп, сияющими бусинами нанизанные на веревки и шесты. Пляска набирала обороты. Шаманы ушли отдыхать, незаметно растворившись среди полотняных стен ярмарочного лабиринта.

Руфина танцевала, не чуя под собой ног. Белая коса вилась за спиной, щеки разругались, но дыхание флейтистки ничуть не сбивалось. Едва успевая коснуться чужой ладони, она летела в кружении дальше и дальше, в упоении не видя ничего, кроме светлых овалов лиц, озаренных улыбками, и золотых блесков огоньков вокруг. Вдруг её руки сжали чьи-то крепкие пальцы, непринужденно выхватывая из очередной тройки, и перед ней возникло лицо светло-

волосого Дарна, сына Корна. Его глаза казались необычно темными, а усмешка была хитрой и застенчивой одновременно. Теперь они продолжали кружение вдвоём. Все остальные по-прежнему менялись местами друг с другом, но чужак не спешил размыкать рук. «Словно поймал меня», – подумалось Руфине. Почему-то это было приятно. Теплый воздух оведал разгоряченные лица, сладкой тяжестью наполнялись мышцы. Хотелось поверить в то, что стоит зажмуриться – и бесконечный круговорот унесет тебя вверх, к медленно темнеющему небосводу.

Когда танец закончился, молодые люди смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Дарну неловко было заговаривать о волнующих его поисках дымянки, а Руфина удивлялась своим чувствам: эта ярмарка оказалась самой необычной из всех. Мысль о том, что уже завтра она оставит этот яркий мир позади и пустится в обратный путь, была тоскливой. Что её ждет дома, в маленькой деревушке? Сбор ягод, одинокие прогулки по болотам, бесконечная повседневная работа и скука, скука... Привычные занятия внезапно показались надоевшими и унылыми. Вот бы отправиться вместе с торговцами в Предгорья!.. «Нет, – одернула сама себя девушка, – как я могу так думать! Меня ждет Эй, я должна заботиться о младших... я не имею права чего-то хотеть, пока на мне лежат эти обязанности!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.